

СЛОВО РЕДАКТОРА О ЛЮБВИ [1.htm](#)

СТОИТ ЛИ ПОЛАГАТЬСЯ НА СВОИ ЧУВСТВА? [2.htm](#) *альфред ленгле*

БУДУЩИЕ ЧЕЛОВЕКИ [3.htm](#) *иосиф фурман.*

ЧТО МЫ ЧИТАЕМ ДЕТЯМ [4.htm](#) *ирина муравьева*

ПОДЛИННОЕ И ПРИЗНАЧНОЕ СЧАСТЬЕ [5.htm](#) *григорий померанц.*

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОД СТУК КОЛЕС [6.htm](#) *мария строилова, 16 лет*

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ДЕТСКОЙ ЛЖИ [7.htm](#) *наталья хмелик*

ПОЧЕМУ ДЕТИ ЛГУТ [8.htm](#) *пол экман*

ОТ ЛЖИ К ЧЕСТНОСТИ? [9.htm](#) *маргарита жамкочьян*

КАК РЕШАТЬ ПОЧТИ НЕВЫПОЛНИМЫЕ ЗАДАЧИ [10.htm](#) *светлана кривцова*

КОНКУРС: ИСТОРИЯ ЛЮДЕЙ [11.htm](#) *ирина прусс*

ЧТО МЫ ЧИТАЕМ ДЕТЯМ [12.htm](#) *владимир хотиненко*

ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ В ИНТЕРЬЕРЕ ОБЩЕСТВА [13.htm](#) *ирина хоменко*

РОЛИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ ДЛЯ НАШИХ ДЕТЕЙ [14.htm](#) *маргарита жамкочьян*

Я СТЯПАЛА ДЛЯ ЭФИОПСКОГО ПАВИАНА [15.htm](#) *наталья ефремова*

КНИГИ [16.htm](#) *хорни / хилтунен / бюджеталь / арсеньев / ялом*

ТЫКАНАЯ КАША [17.htm](#) *анатолий цирульников*

2. ■ Могу ли я положиться на свое чувство? / Альфред Ленгле / [полный текст](#)

В исследовании - эссе известного австрийского психотерапевта Альфреда Лэнгле речь идет о хорошо известных каждому эмоциональных состояниях чувств - ощущений от ситуативных чувств, до глубоких переживаний или даже чувств - убеждений. Можно по-разному к ним относиться, но чувства - это наша физическая реальность, и признав их, мы можем научиться с ними обращаться. [↑top](#)

3. ■ Будущие человеки / Иосиф Фурман / [полный текст](#)

Как выглядит сегодня для молодых людей "жизнь после школы"? Какие мысли бродят в их головах? В пестрый калейдоскоп юношеской бравады, просыпающихся чувств и современных реалий всматривается Иосиф Фурман, только что закончивший школу. [↑top](#)

4. ■ Подлинное и призначное счастье / Григорий Померанц / [полный текст](#)

Григорий Померанц - философ, писатель, культуролог, прошедший Гулаг, шестидесятые годы и трудности последнего десятилетия. Он размышляет о счастье пронизано историей и культурой. Сейчас многие хотят счастья быстро и много, в виде должностей или таблеток. Как меняется отношение к счастью в современном мире? [↑top](#)

5. ■ Размышления под стук колес / Мария Строилова, 16 лет / [полный текст](#)

Мысли девочки, которая солгала, решив таким простым способом конфликт между интересами, она задумывается об отношениях в семье, о том, что для нее важно, и, наконец, задает себе вопрос: "А что будет, если я скажу правду?" [↑top](#)

6. ■ Теория и практика детской лжи / Наталья Хмелик / [полный текст](#)

Почему дети лгут? На это находится множество ответов у ученых и педагогов, и все-таки, тема остается вечной. Наталья Хмелик, журналист и мать трех детей, сопоставляет попытки объяснить и попытки решить этот вопрос. Неужели на придется согласиться со словами подростка Тома, обращенными ко всем взрослым: "Смиритесь! Дети будут лгать вам, пока смерть не разлучит вас". [↑top](#)

7. ■ От лжи к честности? / Маргарита Жамкочьян / [полный текст](#)

Психолог и психотерапевт Маргарита Жамкочьян предлагает взглянуть на проблему с другой стороны. Действительно ли честность это обратная сторона лжи? Есть ли такая способность - всегда и во всем быть честным? И действительно ли хотят честности те, кто так рьяно сражаются против лжи? [↑top](#)

8. ■ Невыполнимые задачи / Светлана Кривцова / [полный текст](#)

Постоянный автор нашего журнала, руководитель научного центра "Генезис", Светлана Кривцова пишет о сложных, почти невыполнимых задачах, которые невозможно решить быстро и сразу. Научиться раскладывать задачу на ряд последовательных задачек поменьше - это тонкий навык, полезный и для детей и для учителей. [↑top](#)

9. ■ Конкурс: история людей / Ирина Прусс / [полный текст](#)

Жуналист, много лет пишущий о гуманитарных проблемах современности, рассказывает об особенном конкурсе, организованном правозащитным обществом "Мемориал", - конкурсе исторических изысканий старшеклассников. Дети открывают новые факты в недавней истории, в повседневности и в истории своих родов и семей. [↑top](#)

10. ■ Образ учителя в интерьере общества / Ирина Хоменко / [полный текст](#)

Чего ждет общество от учителя, каким его видят родители, дети и... современная виртуальная публика? Вступив в интернет-сообщество педагог, доцент педагогического Университета в Петербурге, Ирина Хоменко столкнулась с интересной реакцией: все, что она говорила как педагог воспринималось, как давление и авторитарность. Тоже самое, но высказанное под псевдонимом "обычного" человека, казалось мудростью. [↑top](#)

11. ■ Роли, которые мы выбираем для наших детей / Маргарита Жамкочьян / [полный текст](#)

Постоянный автор журнала, психолог Маргарита Жамкочьян продолжает серию публикаций на тему "Как говорить с детьми", опираясь на методику и теорию общения с детьми, разработанную американским психотерапевтом Хэймом Джиннотом. Все примеры взяты из эксперимента, проведенного мамами - слушателями семинаров Джиннота. Вместе с ними вы попробуете "повернуть солнце" для своего ребенка. [↑top](#)

12. ■ Я стяпала эфиопскому павиану / Наталья Ефремова / [полный текст](#)

Наталья Ефремова, антрополог, научилась многое понимать в поведении людей, начав изучать приматов. Но, оказалось, что и обезьяны наблюдают за нами.

Четыре рецензии на новые книги, которые стоит прочитать. [↑top](#)

13. ■ Тыканая каша / Анатолий Цирульников / [полный текст](#)

Маленькие зарисовки неленивого родителя, который готовит впрок подарок для своей маленькой дочки - складывает в копилку события ее раннего детства. Этими вечно удивляющими и забавляющими открытиями самого начала пути завершается очередной номер журнала "Педология. Новый век". [↑top](#)

аннотация-↓

СЛОВО РЕДАКТОРА О ГНЕВЕ

МОГУ ЛИ Я ПОЛОЖИТЬСЯ НА СВОЕ ЧУВСТВО? *альфред ленгле*

БУДУЩИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ *иосиф фурман.*

ПОДЛИННОЕ И ПРИЗНАЧНОЕ СЧАСТЬЕ *григорий померанц.*

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОД СТУК КОЛЕС *мария строилова, 16 лет*

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ДЕТСКОЙ ЛЖИ *наталья хмелик*

ОТ ЛЖИ К ЧЕСТНОСТИ? *маргарита жамкочьян*

НЕВЫПОЛНИМЫЕ ЗАДАЧИ *светлана кривцова*

КОНКУРС: ИСТОРИЯ ЛЮДЕЙ *ирина прусс*

ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ В ИНТЕРЬЕРЕ ОБЩЕСТВА *ирина хоменко*

РОЛИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ ДЛЯ НАШИХ ДЕТЕЙ *маргарита жамкочьян*

Я СТЯПАЛА ЭФИОПСКОМУ ПАВИАНУ *наталья ефремова*

ТЫКАНАЯ КАША *анатолий цирульников*

2. ■ Могу ли я положиться на свое чувство? / Альфред Ленгле

В исследовании - эссе известного австрийского психотерапевта Альфреда Лэнгле речь идет о хорошо известных каждому эмоциональных состояниях чувств - ощущений от ситуативных чувств, до глубоких переживаний или даже чувств - убеждений. Можно по-разному к ним относиться, но чувства - это наша физическая реальность, и признав их, мы можем научиться с ними обращаться. [↑top](#)

3. ■ Будущие человечки / Иосиф Фурман.

Как выглядит сегодня для молодых людей "жизнь после школы"? Какие мысли бродят в их головах? В пестрый калейдоскоп юношеской бравады, просыпающихся чувств и современных реалий всматривается Иосиф Фурман, только что закончивший школу. [↑top](#)

4. ■ Подлинное и призначное счастье / Григорий Померанц.

Григорий Померанц - философ, писатель, культуролог, прошедший Гулаг, шестидесятые годы и трудности последнего десятилетия. Он размышляет о счастье пронизано историей и культурой. Сейчас многие хотят счастья быстро и много, в виде должностей или таблеток. Как меняется отношение к счастью в современном мире? [↑top](#)

5. ■ Размышления под стук колес / Мария Строилова, 16 лет.

Мысли девочки, которая солгала, решив таким простым способом конфликт между интересами, она задумывается об отношениях в семье, о том, что для нее важно, и, наконец, задает себе вопрос: "А что будет, если я скажу правду?" [↑top](#)

6. ■ Теория и практика детской лжи / Наталья Хмелик.

Почему дети лгут? На это находится множество ответов у ученых и педагогов, и все-таки, тема остается вечной. Наталья Хмелик, журналист и мать трех детей, сопоставляет попытки объяснить и попытки решить этот вопрос. Неужели на придется согласиться со словами подростка Тома, обращенными ко всем взрослым: "Смиритесь! Дети будут лгать вам, пока смерть не разлучит вас". [↑top](#)

7. ■ От лжи к честности? / Маргарита Жамкочьян.

Психолог и психотерапевт Маргарита Жамкочьян предлагает взглянуть на проблему с другой стороны. Действительно ли честность это обратная сторона лжи? Есть ли такая способность - всегда и во всем быть честным? И действительно ли хотят честности те, кто так рьяно сражаются против лжи? [↑top](#)

8. ■ Невыполнимые задачи / Светлана Кривцова.

Постоянный автор нашего журнала, руководитель научного центра "Генезис", Светлана Кривцова пишет о сложных, почти невыполнимых задачах, которые невозможно решить быстро и сразу. Научиться раскладывать задачу на ряд последовательных задачеч поменьше - это тонкий навык, полезный и для детей и для учителей. [↑top](#)

9. ■ Конкурс: история людей / Ирина Прусс.

Жуналист, много лет пишущий о гуманитарных проблемах современности, рассказывает об особенном конкурсе, организованном правозащитным обществом "Мемориал", - конкурс исторических изысканий старшеклассников. Дети открывают новые факты в недавней истории, в повседневности и в истории своих родов и семей. [↑top](#)

10. ■ Образ учителя в интерьере общества / Ирина Хоменко

Чего ждет общество от учителя, каким его видят родители, дети и... современная виртуальная публика? Вступив в интернет-сообщество педагог, доцент педагогического Университета в Петербурге, Ирина Хоменко столкнулась с интересной реакцией: все, что она говорила как педагог воспринималось, как давление и авторитарность. Тоже самое, но высказанное под псевдонимом "обычного" человека, казалось мудростью. [↑top](#)

11. ■ Роли, которые мы выбираем для наших детей / Маргарита Жамкочьян.

Постоянный автор журнала, психолог Маргарита Жамкочьян продолжает серию публикаций на тему "Как говорить с детьми", опираясь на методику и теорию общения с детьми, разработанную американским психотерапевтом Хэймом Джиннотом. Все примеры взяты из эксперимента, проведенного мамами - слушателями семинаров Джиннота. Вместе с ними вы попробуете "повернуть солнце" для своего ребенка. [↑top](#)

12. ■ Я стяпала эфиопскому павиану / Наталия Ефремова.

Наталия Ефремова, антрополог, научилась многое понимать в поведении людей, начав изучать приматов. Но, оказалось, что и обезьяны наблюдают за нами.

Четыре рецензии на новые книги, которые стоит прочитать. [↑top](#)

13. ■ Тыканая каша / Анатолий Цирульников.

Маленькие зарисовки неленивого родителя, который готовит впрок подарок для своей маленькой дочки - складывает в копилку события ее раннего детства. Этими вечно удивляющими и забавляющими открытиями самого начала пути завершается очередной номер журнала "Педология. Новый век". [↑top](#)

ОТ РЕДАКТОРА | *александр асмолов*

И уткнулись губы в ее затронутый сединой затылок, и упали слова: "Дитя мое. Доченька моя". И прижала она его седую голову, и сказала: "Не бойся, Малыш. Все образуется. Все будет, как надо. По-другому не может быть". И бесчисленное число раз в истории человечества Он и Она попирали рациональную логику возраста. И вопреки грузу прожитых лет дарили друг другу имена, которыми называли их в детстве мать и отец. Имена родом из детства.

Задумывались ли вы, почему Любовь друг к другу избирает для выражения своих чувств имена родом из детства, разговаривает языком детства. Замечали ли вы, как превращаетесь в ребенка, когда Любовь нашептывает: "Мой малыш. Моя доченька. Мой несмышленный мальчик. Мой... ребенок". И тогда доверие просыпается в вас...

Психоаналитики и психоисторики утверждают, что у истоков счастливой человеческой судьбы стоит базовое доверие младенца к миру. Доверие, сотворяемое родными людьми. Когда базовое доверие оказывается надломленным, счастливая судьба порой уступает место несчастливой судьбе.

Нечто подобное происходит и в Любви. Когда под ударами жизни Любовь растрескивается, разбивается на осколки. Ощущение боли и горечи тем резче, чем полнее в Любви вы переживали доверие и безопасность, разрешив Любви обратить себя в ребенка.

Каким таинством сплетены психология любви и психология детского самосознания взрослого человека? Почему, столь часто не отдавая себе отчета, мы любим себя в детстве и детство в себе? Не является ли чудо любви победой над возрастом во все возраста и таким обретением детства, которое сродни бессмертию...

Все эти вопросы - вопросы без ответов. Они - вечные. Вечные, как детство. Вечные, как любовь. А когда две вечности сходятся, то, поверьте, у них есть время договориться.

И уткнуться в затронутый сединой ее затылок, нашептывать тысячи лет: "Доченька моя..." И прижать покрытую сединой его голову, сказав наперекор времени:

"Малыш мой..." |

БУДУЩИЕ ЧЕЛОВЕКИ | *иосиф фурман*
- выпускник московской школы, абитуриент и
постоянный автор нашего журнала

Десять лет я проучился в школе. Точнее, в пяти различных государственных и негосударственных заведениях, имевших внешне примерно одну цель: дать мне "базовые знания по базовым предметам". По крайней мере именно так это обозначалось в то время, пока я был погружен в процесс школьного обучения. Но сейчас этот процесс подходит к концу. И мне все больше становится понятен смысл этих десяти лет, в течение которых я с преступной радостью попирал законы и правила, установленные в школе. Жизнь без этого обязательного "гнета" представлялась мне невозможной, неправильной. Я привык к тому, что со мной играют в строгость, к подобию режима и обязательности праздников, к ношению сменки и заучиванию заданных уроков, к оценкам и страху перед родительским собранием. С каким безоглядным счастьем погружался я в школьную жизнь, участвуя в спектаклях, ходя в походы, не делая физику и восставая против несимпатичных учителей... Переходя из школы в школу, я каждый раз знакомился с новыми людьми, боролся за свой авторитет и вклинивался в существующую иерархию нового учебного заведения. И вот наступил момент, когда эту игру пора остановить. Пора определиться насчет будущего, насчет профессии. Школа, как теперь оказывается, была лишь маленькой моделью, которая должна была подготовить нас к настоящей жизни в большом мире...

- Значит, в налоговую идешь?
- Да. Там мне, короче, ствол и форму уже на третьем курсе дадут, научат всем видам единоборств. Но я буду инспектором. Буду заходить после оперативников и...
- Может, ты еще не поступишь.
- Вряд ли. То есть все может быть, но это - вряд ли. Отец говорит: "Поступишь - проси, чего хочешь. Только сдай экзамены, а все остальное уже там за нами будет". Они бабки уже отложили, за мной - только экзамены на что-нибудь приличное сдать. Короче, прикольно...
- Прикольно... А отец тебе прямо так и говорит?
- Не... не так. Но "поступи" говорит. Да я и сам офигительно туда хочу.
Парень прощается с нами и переходит через дорогу на красный свет, демонстративно не обращая внимания на сигналы мчащихся по проспекту машин. Мы глядим на его широкую сутулую спину.

- Поступит?
- Наверное. Видишь, бабки отложили, связи, говорит, есть. Поступит, чего ж ему не поступить...
Уж не думаем ли мы, что всего можно достичь за деньги? Говорят, у нас нет идеалов и ценностей... Все может быть. Я забыл стихи, которые учил, но зато знаю наизусть рекламных роликов.
- У тебя есть Коран? - неожиданно спрашивает меня одноклассник.
- Что, решил попытаться понять арабских террористов?
- Нет. Просто мне это интересно. Я вот раньше читал Библию, правда, в детском пересказе, но мне было очень интересно. А теперь хочу Коран почитать. И вообще, я бы принял какую-нибудь религию... Что-то я устал, пожалуй, не останусь на физику.
Как я его понимаю! Мне тоже хочется во что-нибудь обратиться, раствориться, и чтобы все было понятно. "Счастье - это быть частью целого..." - так говорили в каком-то фильме.

Мы становимся взрослее, хотим того или не хотим. Нас начинают интересовать проблемы, близкие или памятные взрослым. Теперь уже не модно рассказывать, как ты поставил предков на место, - идет тайное состязание на то, чей родитель ведет более откровенные разговоры, употребляет более понятные и "родные" двору слова. Конечно, мы еще не совсем взрослые, но уже точно не дети. Другие люди становятся как-то понятнее, ближе. Начинаем потихоньку втягиваться в отношения "полноправных членов общества", хотя не все стремятся с распростертыми объятиями встретить будущих людей - возникает вечная проблема "отцов и детей", страх быть вытесненными новым, непокорным поколением. "У вас сейчас самый опасный возраст. Вы еще слабы, но уже достаточно заметны, будьте аккуратней и предельно вежливей..." - урок ОБЖ.

Глаза просто слипаются, хочется сесть, хочется спать, растворившись в стуке колес. Наконец освобождается место рядом с полным, усатым дядей, от которого за несколько шагов воняет пивом. Противно с утра вдыхать запах перегара, но сесть очень хочется. Жду еще чуть-чуть - женщина, которая стоит неподалеку, не делает никаких движений, говорящих о намерении сесть, - сдергиваю рюкзак, прикрываю глаза...

Резкий толчок в бок заставляет меня вскочить на ноги. "Куда, зараза?! - кричит дядька. - Женщина сесть хочет, а эти молокососы вперед лезут, я тебе покажу!..."

"Я не молокосос!" - кричу, и мой голос кажется мне каким-то тонким, незрелым и даже чуть виноватым. С трудом подавляя желание спорить и дерзить дядьке, кричу женщине: "Вы садитесь!?" Нависаю над дядькой, с улыбкой глядя ему в лицо, пока женщина испуганно садится на мое место. Вскоре он выходит, и я плюхаюсь на его место, чувствуя себя победителем. "Черт, я знаю, что не молокосос. Он меня обидел, но главное, я знаю для себя..."

В голове начинают мелькать сцены из боевиков: удары ногой, рукой... Насколько привычен стал мордобой, насколько жизнь без него становится нединамичной и "детской".

Сегодня, передает агентство "Интерфакс", группировкой так называемых скинхедов были избиты два гражданина Кореи и один гражданин Афганистана. Граждане Кореи вследствие полученных тяжелых травм скончались в больнице. Виновники разыскиваются...

Это передают по радио, это передают из уст в уста, как народный фольклор. Фанаты, нацисты, рэпера, быки - сколько разных персонажей живут в нашей фантазии. Каждый персонаж обладает своим характерным оружием, своей магической силой. С одним можно договориться, от другого лучше убежать. Их видят издали: страшные, кочующие в поисках жертв стаи...

- Одна моя знакомая как-то шла с концерта...

- А с какого?

- Не помню, не знаю. Это подруга моего друга, и это он мне рассказывал. Так вот, к ним туда skins навалились и ее побили.

- Что, девчонку? Как-то странно. И чего дальше?

- Ну, она очухалась, идет себе домой, а тут к ней подваливают "лисички".

- Кто?

- Это бабы-скины. Они тоже бритые, в камуфлированной форме. "Чего ты такая побитая?" - у нее спрашивают. Она там чего-то лопочет, и лисички говорят: "Раз ты побитая - значит с концерта, а раз ты с концерта - получай еще". Сволочи. Пиво будешь?..

Любой поход на улицу, в театр, в гости связан с неминуемой угрозой не вернуться. Жизнь становится вечной страшной игрой с чаще всего невидимым противником, порожденным школьными легендами и рассказами. Приходится тщательно продумывать форму своей одежды, чтобы не вызвать различных подозрений, нужно зорко смотреть по сторонам и не зевать. Хочется и самому стать таким же страшным и большим... Но такое дано не всем. Носить с собою нож?..

По профессии Жека был строителем, но преподавал у нас в маленькой частной школе географию. Он был худым и невысоким, но говорил, что не надо носить с собой нож.

"Понимаешь, если тебе попадется человек, который умеет драться, то он зарежет тебя твоим же ножом. Ты сам не знаешь, что с ним надо делать". Мы убеждали его: "Нет, мы умеем драться ножами, все будет о'кей. Вообще не носим их просто так - нравится, когда карман оттягивает что-то тяжелое...". "А я говорю, не умеете. Ну давай, бери нож и будем с тобой драться", - предложил Жека.

Доказать умение вызвался я. Нож должна была изображать маленькая палочка. Перехватывая оружие подобие стивена Сигала, я медленно начал на Жеку, и который делал отвлекающие движения руками и ногами. Потом Жека начал наступать, и я сделал короткий выпад... Сильный удар ногой в живот согнул меня пополам и отбросил назад.

- Я тебя еще пожалел, не стал добивать, - примирительно говорил учитель, пока меня разгибали обратно. - Понимаете, почему я говорю, что не надо носить ножи...

Тогда я посчитал это неудачным боем, каким-то направленным уничтожением страны-фантазии. Теперь я понимаю, что Жека был прав. Я благодарен ему за этот урок и больше не ношу с собой нож. Только жалко, что такие уроки даются не всем, что не проходят в школе, почему не надо носить с собой "выкидушку" и тяжелую цепь на шею. А хорошо было бы включить это в базовую программу...

- Ты думаешь не о том, - говорит папа, пока я отжимаюсь. - У тебя все наоборот. Вместо того чтобы уделять внимание поступлению в институт, ты посвящаешь себя тупым физкультурным нагрузкам. Есть свободное время - лучше выучи еще что-нибудь.

Но папа не понимает: мне же нужно жить и выживать. Если я не буду культом и страшным, я не смогу даже дойти до школы. Мы "качаемся", и это далеко не культ тела и возвращение античных ценностей. Мы "качаемся" по школьным подвалам, набитым ржавыми тренажерами, "качаемся" дома, размахивая гантелями; те, кто побогаче, посещают фитнес-центры; а потом мы идем на улицу, выплескивая энергию на "свежевыдуемых" врагов из другого района или просто на хоть чем-нибудь других...

- Папа, что-нибудь сделают, чтобы организовать молодежь, пока она не перемочила друг друга от безделья?! - горестно восклицаю я. - Ведь массы подростков ждут, когда им точно покажут, кого надо мочить. Конечно, война - это ужасно, хотя я знаю о ней только по Ремарку и Шолохову, но дело в том, что наше поколение уже плохо знает об этом бесчеловечном занятии. Мы слишком мало знаем и слишком по-боевому настроены... Придурки!

Наблюдая по телевизору за упругими, ловкими движениями боксеров-профессионалов, вызывающих у меня зависть своей силой удара и защищенностью на воображаемой улице, папа отвечает:

- Война уже идет, идет много лет, но все поколения полны этой агрессивностью. Она проходит к зрелому возрасту, не стоит уделять этому столько переживаний и мыслей. Думай лучше о прочитанных книжках. По-моему, в них все гораздо интересней, чем на этой твоей улице...

Папа, папа, наверное, ты прав, но...

Популярность алкоголя растет если и не с каждым днем, то уж точно с каждой четвертью. Целые беседы посвящаются вкусам и ценам. Если на дне рождения нельзя выпить, он перестает быть праздником. День теряет смысл, если сегодня не "набухался". Откупоривая бутылку и, набрав жидкости в рот, начинаю покусать. Сглотнув, говорю: "хорошее то-то" или "дрянь" (обычно так делает мой папа, когда пьет что-нибудь). "Не... ничего так, слабенькое", - говорит мой собутыльник и в десятый раз внимательно изучает этикетку (так, наверное, делает его папа).

Чувствуешь себя почти большим, когда гордо восседаешь в детской песочнице с бутылкой дешевого пива, доводя недовольные взгляды себе какой-то старушкой. Взрослым вызывает недоверие и недовольство, словно незгяды в себе какой-то кур новым, взрослым привычкам. Да, это такой в жизни этап: в ежедневное расписание вносится курение "травы", литры пива, пачки сигарет. А чего, мы уже почти взрослые.

- Я теперь на подготовительных курсах бухаю. Вчера один парень у нас еле у доски выстоял. Его так качало, что мы все, даже учительница, ржали над ним.

- Ты был у Коляна на дне рождения? Чего там у вас было?

- Ну, чего-чего... Все очень быстро нажрались, и всё.

- Как всё? Вы там о чем-нибудь говорили? Чем три часа заниматься можно?

- Говорю, все нажрались. Какой там говорить, сидели и втыкали, пялились друг на друга три часа.

- Да...

- Нормально! Ты еще у Наташки не был!

Одно из самых важных мест в жизни стал занимать противоположный пол (в моем случае - это женщины). Редко в метро опускаешь голову. Ты смотришь на девушек. Мало того, ты смотришь на них в театре, в музее, на празднике, в любом общественном месте, отслеживая жадным взглядом стройные фигуры, и настроение может быть испорчено, если там, где ты находишься, нет ни одной хоть чем-нибудь симпатичной девушки. В наших беседах эта тема занимает девятую часть процентов времени. Все разговоры построены на новых открытиях, почерпнутых в основном из "мужских" журналов: о загадочном женском духе, об удовольствиях и особенностях физиологического строения. Старшие и более опытные передают важные практические наставления "молодым": как не "проколоться", что нужно говорить сначала, что нужно говорить потом... Происки перед дверью в их кружочком стоят десятки "молодых людей". Их взгляды направлены в пол или в потолок, беседа идет вялая, тихая. Но вот через круг с извинениями протискивается молодая учительница, которая быстро исчезает в дверном проходе. Взгляды разгораются, все со смущенными улыбками заглядывают в кабинет, потом кто-то театральным шепотом спрашивает:

- Это ваша училка? Что, вага классная?! Слушай... а она всегда так одевается?

- Сегодня еще что... Когда зачет был, она такое надела, что я думал, не сдам. Как тут сдавать, когда у нее юбка такая короткая, - гордо отвечает другой. Все с искренним возмущением кивают, и взгляды снова утыкаются в пол.

Обсуждение может происходить и в присутствии девочек. Некоторые широко открывают глаза и говорят: "Господи, какой ужас", услышав про свой организм такое, что им самим присоединяются к обсуждению, делясь переживаниями и вкусами. Тут можно узнать все: любимый цвет белья, предпочитаемый тип мужчин, расположение эрогенных зон, время менструаций, содержание эротических фантазий и т.д. Взамен можно поделиться своими проблемами, и тебя обязательно выслушают, что-то посоветуют, ласково поспеются...

- Короче, девки скрыты, когда им хамишь. Нет, я серьезно. А еще они любят загадочных.

- А я вчера с такой замутил! Осталось только пару раз позвонить, поболтать о жизни, хе-хе...

Интересная беседа прерывается звонком на урок.

Наступает весна, становится тепло.

Можно сидеть на улице, можно жадно смотреть на девушек, снявших штаны и дубленки, можно пить из лавочки во дворах. Хочется дышать, хочется пить и хочется жить...

Вглядываюсь в свое отражение в мутном, прыгающем окне поезда метро. Я выше стоящей рядом девушки, но меньше мужчины, читающего газету. Я представляю себя в пиджаке, но не представляю на какой-либо должности. Мне не хватает огня? Так многие говорят: мол, ты еще не проснулся. Я проучился десять лет в школе - это большая часть моей жизни, но кто я после этого? И о чем я думаю?! |

ЧТО МЫ ЧИТАЕМ ДЕТЯМ | *Ирина Муравьева*

Мои сыновья уже взрослые - одному 27, другому - 19 лет. И, наверное, было бы интересно поговорить с ними об их опыте детского чтения. Я начинала читать своим детям русские сказки и то, что продавалось в книжных магазинах - Барто, Михалков, потом Андерсен, но это уже когда они стали взрослее. Но теперь я убеждена: будет ли читать твой ребенок хорошие книги в будущем, не зависит от того, что мы читаем им в детстве. Совершенно, совсем не зависит. Желание читать, увидеть мир посредством чужого, авторского взгляда - это невероятно интимно, взаимоотношения с написанным словом вообще загадка. Я, например, в своем детстве не особенно любила читать и очень долго читала только сказки. Мне было стыдно, но я читала их и читала, а "большая" литература долго существовала вне меня. В книгах же я искала ответы на свои вопросы, причем очень практические - мне нужно было понять, как жить.

И все же приучать растущего человека к книге, вырабатывать привычку к этому - особому - способу постижения мира должны родители. Хотя результат не спрогнозируешь. Теперь, например, жизнь такая... сериальная, что ли. Мы смотрим все больше сериалы, читаем все больше журналы, а не книги. Цельности нет, человек привыкает к поверхностному, к тому, что раз в неделю, в месяц, с гарантией, которую дает цикличность, ему доставят какую-то информацию для переживания, для ума. Я называю это: жизнь окна. То есть все смотрят на мир, как бы сидя у окна. И нет, кажется, потребности посмотреть внутрь себя, в пупок.

Но, если честно, я вообще придерживаюсь позиции "родитель должен" - решительно все в детской жизни должно находиться в поле зрения всевидящего родительского ока. Всеобъемлющий контроль! Не тиранический, но всепроникающий. И в чтении тоже. Другой вопрос - как.

Я старалась своим детям книги подсовывать. Примерно представляла, что человека сейчас, в данный момент - когда ему лет 12-13 - волнует, заботит, и осторожно так предлагала книгу "по теме". Иногда срабатывало. Но очень долго, почти до их подросткового возраста, я сама читала им перед сном. Читала с выражением, всерьез. Помоему, "Детство Никиты" я прочла младшему сыну раз шесть - так ему это нравилось. Как-то тогда срослось родительское и профессионально актерское, читая своим детям, я обрела своего рода чтецкую практику. Теперь читаю детские книги по радио - и все тем же методом, представляя, что сижу у постели своего засыпающего сына.

Наше многолетнее чтение перед сном стало своего рода ритуалом. Так я научила их читать - начинала сама, вводила в мир книги, в характеры героев, потом просила, чтобы они продолжали сами. А на следующий день читала опять - с того места, где закончил ребенок. И, пожалуй, это "сонное" чтение - самые счастливые минуты моей родительской жизни. Оно сближает нас - детей и родителей. Ведь между страницами, в полумраке, мои дети рассказывали мне, что случилось с ними за день, а случилось столько всего интересного и важного... |

ВОСПИТАНИЕ ДУШИ | *мария строилова, 16 лет*

Вся моя семья слушает рок-н-ролл. Мама - старый русский рок, брат западный рок, другой брат слушает современный русский рок. Два года назад, в четырнадцать лет мне, как я теперь понимаю, захотелось выделиться. И сделать это было трудно в отличие от большинства детей, чьи родители слушают классику или казачий хор (сама таких видела). А потому, решив найти что-то новое, я выбрала малоизвестную группу, участники которой говорили, что играют рок. Я от них фанатела. Повесила на стенах в своей комнате их фотографии, распечатала все, что было на их сайте, включая литературное творчество участников группы, на что истратила и черный, и цветной картриджи домашнего принтера, и после чего домашние "запаролили" его от меня. Я ходила на все концерты, выбираясь на них всеми правдами и неправдами.

Мама моя, которая прекрасно знает, что все рок-концерты - это "мероприятие повышенной опасности", как пишут на билетах, решила выяснить, куда же я все-таки хожу и что я там слушаю. Я назвала несколько площадок, на которых играли мои кумиры. Мама поспрашивала своих знакомых, знакомые ответили коротко: "Отстой". Тогда мама решила послушать сама, что же это все-таки такое. У меня была запись группы, правда, плохая, потому что хорошую за два с половиной года своего существования они так и не сделали. Но мама росла в брежневские времена, и плохой магнитофонной записью удивить ее было трудно...

Послушав мою любимую кассету, она начала объяснять, что занесло меня куда-то не туда, что мне стоит подумать над их текстами и понять, что они бессмысленны. И вообще, ходить на "мероприятие повышенной опасности" ради такого не стоит. На все это я отвечала крайне эмоционально, однако смысл моей аргументации сводился к тому, что "это - наше все".

Спустя какое-то время я собралась на концерт. Концерт был ночной, и я, конечно, понимала, что мама меня не отпустит, потому и решила соврать. Что и сделала, сказав, что еду к подруге Даше в Подмоскovie с ночевкой. На концерт я пошла с другой подружкой, у которой осталась ночевать. Во всей этой суеде я забыла предупредить Дашу о том, что "гощу" у нее.

С концерта мы вернулись поздно, я долго спала и утром, позже чем мы договаривались, позвонила маме сообщить, что вот только сейчас выезжаю от Даши. И в ответ услышала: - Звонила Даша, тебя у нее нет и не было, да вы и не договаривались встретиться. Пока будешь ехать, придумай, что соврешь.

Полтора часа в метро я думала. Правда, не о том, как бы соврать, а об отношениях в нашей семье. Я решила, что бывают отношения, как в общежитии, а бывают нормальные, как в семье. По правилам общежития ты должен возвращаться к определенному времени, звонить, если опаздываешь, и совершать подобные этим действия, которые заранее оговорены правилами. На самом деле эти правила направлены в основном на то, чтобы, живя рядом, занимать как можно меньше пространства, в том числе и эмоционального, в жизни соседа. От этих правил, от таких отношений никуда не деться. Но, помимо них, бывают и другие отношения между людьми, живущими под одной крышей, - семейные отношения, при которых люди вместе обсуждают проблемы и радости, при которых существуют небытовые контакты. И на самом деле между моей мамой и братьями именно такие отношения. И они предлагают их мне, на что я, по молодости да по глупости, фигурально выражаясь, воплю диким голосом: "Не лезьте в мою жизнь!" и захлопываю дверь в свою комнату. И жизнь свою загораживаю стеной вранья. Стоит ли это делать? - думала я. Что будет, если я скажу правду? Понятно, мама усмехнется: "Нашла что слушать".

Приехав домой, я сказала правду. Реакция была именно такой, как я и предполагала. После чего мы заключили с мамой такой договор:

я буду говорить ей правду, но за мной остается право сказать, что я не хочу отвечать на какой-то вопрос.

Сказать это просто и прямо. |

Маша Строилова - моя шестнадцатилетняя дочь. И история, о которой она рассказала, - наша история. Два года назад она заставила меня по-иному взглянуть на проблему детской лжи, на то, как мы, взрослые, решаем эту проблему у себя дома.

Моя первая реакция, когда я узнала об обмане и выяснила, что он был спланирован заранее, а значит, девочка, скорее всего, жива и здорова, была стандартной: обида и гнев. Если бы дочь в этот момент оказалась в зоне досягаемости, она получила бы "по полной программе". Но жизнь предоставила мне два часа на то, чтобы обдумать ситуацию, "оглянуться во гневе" и поискать конструктивное решение. Пока Маша ехала домой, я размышляла о том, что нам необходимо четко обозначить границу между моим правом знать и оберегать и ее правом иметь личную тайну и жить своей, а не моей головой. Кажется, тогда мне удалось найти и предложить дочери приемлемый для нас обеих вариант, но лишь потому, что у меня не было возможности дать немедленный выход своему возмущению.

/наталья хмелик |

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ДЕТСКОЙ ЛЖИ

наталья х.мелик
- журналист, писатель, мама троих детей - двух сыновей и дочери-подростка.

Наверное, нет на свете человека, у которого не возникал бы вопрос: почему дети лгут? Честность входит в набор качеств, которые взрослые испокон веков стремятся воспитать в детях, а потому каждый случай лжи нас так огорчает.

Американские психологи задумались над тем какой бывает детская ложь? Почему дети лгут и как сами воспринимают свой обман? Исследователи университета Аризоны, интервьюируя детей школьного возраста, спрашивали их о том, в каких ситуациях приемлемо лгать. Во многих случаях дети предпочитали говорить правду, но когда все же решали прятать, это была социально приемлемая ложь, с помощью которой они пытались защитить кого-то из своих друзей или получить для друга какую-то выгоду. Хотя с возрастом вероятность солгать нарастала, все дети, даже первоклассники, понимали разницу между "белой" и "черной" ложью.

Психологи заметили интересную тенденцию: социально приемлемую ложь дети чаще используют в общении со сверстниками, а эгоистическую - ради собственной выгоды, с целью защитить себя или скрыть свой проступок, в общении с матерями. Это различие было обнаружено и у студентов.

Психологи, проводившие это исследование придерживаются позиции, что иногда лгать хорошо и правильно, и родители должны это объяснять детям. "Обман социально приемлем и даже необходим, - пишет в журнале Scientific American профессор, руководитель группы психологов университета Аризоны Венди Геймбл. - В социальных отношениях обманывать приходится довольно часто, а потому дело не в том, чтобы отбросить ложь как нечто, безусловно, плохое, а в том, как ею пользоваться, взаимодействуя с другими людьми. Поэтому мы и рекомендуем родителям в общении с детьми подчеркивать обычность обмана и его социальную приемлемость".

Другой американский психолог Пол Экман, исследователь невербального поведения и автор самой известной в мире монографии о психологии лжи, рассказывает о любопытном психологическом эксперименте, проведенном в конце XIX века. Во время суда, который решал вопрос о возможности привлечения восьмилетнего ребенка свидетелем по делу об убийстве, бельгийский психолог Варондек попросил двадцать детей этого возраста сказать, какого цвета борода у их учителя. Правильный ответ дал лишь один ребенок - у учителя вообще не было бороды. Таким образом, стало очевидно, что дети иногда лгут просто, чтобы понравиться взрослому, или дают ответ, которого мы ждем от них. Оказалось, что грань между невольным искажением истины и заведомой ложью очень зыбка.

Пол Экман выделяет основные виды лжи по их содержанию: искажение правды, умолчание и жульничество. Хотя когда мы узнаем о том, что ребенок солгал, мы в равной степени огорчаемся и искажению правды, и умолчанию о том, что произошло. А спокойнее и увереннее чувствуем себя, когда понимаем мотивы лжи. Но проблема состоит в том, что дети редко лгут по какой-то одной причине, обычно это целый комплекс мотивов: стремление избежать наказания, страх унижения, нежелание оказаться доносчиком, защита товарищей.

Приемный сын Пола Экмана Том в 13 лет в отсутствие родителей устроил дома вечеринку, хотя делать это ему было запрещено. Когда взрослые вернулись, мальчик ничего не рассказал им о вострече. Правду они узнали от соседей. Другой семиклассник - Джек, - перемещаясь по отцовскому кабинету, уронил со стола клавиатуру компьютера, которая в результате пришла в негодность. На прямой вопрос отца он ответил, что не трогал компьютер. Экман считает, что в первом случае мы имеем дело с умолчанием, во втором - с искажением правды. Для Тома важно было повеселиться с друзьями без присмотра взрослых, что считалось не приемлемым для его родителей. Он скрыл правду, чтобы избежать наказания. Однако к этому примешивались желание доказать собственную взрослость, свойственное переходному возрасту, а также стремление устроить проверку отчиму, который не раз давал Тому понять, что его не обманешь. Правда, сам Том позже объяснял свои мотивы иначе. Он готов был рассказать правду, но отец вернулся домой в дурном настроении, и к нему лучше было не соваться. А отложенное признание все равно повлекло бы за собой наказание за ложь.

В случае с Джексом мотивом лжи была боязнь наказания, поскольку мальчик знал, что отец "помешан на своем компьютере". Но при этом Джек боялся и унижения, так как уронил клавиатуру случайно - подросток был неуклюж.

С какого возраста дети начинают осознанно лгать? Этот вопрос был задан родителям и воспитателям четырехлетних детей. 33 процента ответили утвердительно по поводу трехлеток, а с тем, что все шестилетние дети легко могут солгать согласились все 100 процентов опрошиваемых американцев. Большинство детей могут лгать в таком раннем возрасте, когда взрослые считают, что они на это не способны. Пол Экман описывает эксперимент, в котором детей трех с половиной - четырех лет оставляли в комнате, где находилась игрушка, которую им запрещали трогать. Экспериментатор выходил из комнаты, а другой взрослый брал игрушку, играл с ней, "случайно" ломал и тоже выходил. Половина детей знали и любили человека, который сломал игрушку, для других он был незнакомцем. Вернувшись, экспериментатор спрашивал, что произошло. О том, что в комнате был кто-то взрослый сказали правду все участники эксперимента. Но из тех детей, кто хорошо знал этого человека, около половины не выдали его: они либо говорили, что не знают, кто сломал игрушку, либо указывали на какого-то другого виновника.

Психолог Экман говорит, что примерно до восьмилетнего возраста дети считают ложью любое ложное утверждение независимо от того, знал ли говоривший о том, что его слова не соответствуют истине. Намерение в расчет не принимается, важна только истинность информации. Даже когда маленьким детям известно, что говорящий не собирался никого вводить в заблуждение, они все равно считают его лжецом, если он говорит нечто, не соответствующее действительности. Однако уже большинство восьмилетних детей, равно как и взрослых, не считают лжецом того, кто сказал неправду непреднамеренно.

С возрастом тенденция лгать нарастает. Есть данные, что 92 процента пятилетних детей считают, что говорить неправду всегда плохо. К 12 годам этот показатель снижается до 28 процентов.

Но знание о том, что все дети лгут, не спасает, когда нас обманывают наши собственные дети. Мы страдаем из-за своей неспособности воспитать в ребенке честность. К огорчению по поводу собственной педагогической неудачи примешивается обида: как он мог? Почему мой ребенок солгал мне, ведь я желаю ему добра? Обида сменяется растерянностью: что же теперь делать?

Американский профессор Чак Фэлкон - психотерапевт с 22-летним стажем, специалист по коммуникативным расстройствам, не видит принципиальной разницы между шестилетней Сьюзи, которая лжет родителям по поводу того, где и с кем она играет, тринадцатилетним Джеком, солгавшим после того, как он сломал клавиатуру компьютера, и подростками, лгущими, когда речь заходит об употреблении алкоголя или наркотиков. Он полагает, что детскую ложь, независимо от возраста ребенка, чаще всего порождают родительские ошибки, которых можно избежать, тем самым уменьшив вероятность детской лжи. Прежде всего приходится признать, что мы сами говорим неправду. Незамечая, учим детей, что ложь иногда полезна и приемлема, скажем, когда, экономя средства, мы занижаем возраст ребенка, покупая для него билет на транспорт. (Проблему детских скидок на билеты приходится решать многим американским родителям. Пол Экман, например, утверждает, что никогда не лгал по поводу возраста своих детей, причем его сын Том никогда не понимал почему.)

В общем виде совет Фэлкона звучит так: "Никогда не лгите, чтобы не спровоцировать детскую ложь". Многие из нас наверняка согласятся: "Нельзя запускать механизм лжи". Один из моих знакомых честно пытался следовать этому принципу. Когда его сын был маленьким, мальчика никогда не просили сказать по телефону, что папы нет дома. Папа работал следователем, и телефон у них в доме звонил беспрестанно. Так что сын видел отца только с телефонной трубкой в руке. В конце концов отец понял, что, занимаясь двадцать четыре часа в сутки чужими преступлениями, он практически лишен общения с собственным ребенком. "И тогда, - вспоминает мой знакомый, - я начал избегать ситуаций, в которых сын и телефон рядом".

Еще один способ спровоцировать ложь - спросить ребенка, сделал ли он что-то дурное, если вы знаете, что это произошло. Если ребенок видит, что вы сердитесь, он воспринимает ваш гнев как попытку оказать на него давление, и желание солгать будет в этом случае естественной реакцией. Если вам известно, что ребенок совершил проступок, гораздо лучше напрямую сказать ему об этом. Нет надобности втягивать ребенка в ложь, когда вы уже знаете правду. Иначе вы сами подталкиваете его к формированию негативного образа - "Я - лжец".

Другая ошибка - подвергать детей допросу с пристрастием по поводу вероятного неблагоприятного проступка и затем сурово наказывать ребенка, добившись признания. Зафиксировав такую причинно-следственную связь, любой ребенок будет лгать, чтобы избежать наказания. Гораздо лучше дать ребенку понять, что наказание за проступок будет гораздо строже, если он солжет. Например, если ребенок признался в том, что кого-то оскорбил, вы можете потребовать, чтобы он извинился и сделал для этого человека что-нибудь хорошее. Если же ребенок оскорбил, а потом солгал, вы можете потребовать извинений, доброго дела, а к тому же лишить ребенка какой-либо привилегии. Фэлкон предлагает нечто вроде математической формулы: ложь по поводу проступка должна либо удваивать наказание, либо за ней должны следовать два наказания - одно за проступок, а второе - за ложь.

На вопрос: что произойдет, если сказать неправду, дети 5-9 лет чаще всего говорят о наказании. В этом возрасте наказание - сдерживающий фактор, утверждает Пол Экман. А вот из двенадцатилетних о наказании упоминают менее трети, а половина говорит, что ложь подрывает доверие, - соображение, почти не упоминавшееся младшими детьми.

Тема наказания за ложь повторяется у разных исследователей и практиков, тем не менее этот принцип вызывает сомнения. Конечно, можно действовать по Павлову, формируя у ребенка условный рефлекс, создавая устойчивую цепочку обман - наказание. При самом благоприятном развитии событий ребенок перестанет лгать из страха перед карой. Но можно ли считать такого человека честным? Будет ли он честен с теми, у кого нет возможности наказать его? Учтем при этом, что благоприятное развитие событий - всегда редкость. Наиболее вероятный результат напоминает борьбу с хакерами: одни изобретают защиты, другие - способы их взлома. Победителя в этой войне нет и, вероятно, никогда не будет. На всякое действие находится противодействие. В нашем случае ребенок начинает лгать более изощренно и лучше прячет концы в воду, а мы, устав от роли следователей, позволяем убедить себя в честности обожаемого чада.

В любом случае, наказывая ребенка за ложь, мы пытаемся лечить симптом, а не причину расстройства наших отношений. Фэлкон пишет, что, если ребенок солгал нам впервые или обманывает редко, отнеситесь к каждому случаю лжи как к признаку кризиса в ваших отношениях. Говорите об этом с ребенком. Объясняйте, что ложь вредит отношениям и может привести к потере друзей, утрате уважения со стороны окружающих и, как следствие, к снижению самооценки. Если человек не может доверять тем, кого он любит, жизнь становится печальной и пустой. А если тебя считают лжецом, понадобится много времени и сил, чтобы вернуть уважение и доверие.

Пол Экман недавно посетил с некоторыми психологами библиотеку, где детям можно послушать эту идею честности, рассказывая назидательные истории, например, сказку о пастушке. Как вы, вероятно, помните, речь в ней идет о том, что мальчик так часто поднимал ложную тревогу, крича о нападении волков, что, когда волки действительно напали на стадо, никто не поверил и не пришел на помощь. "Помню, когда мне было пять лет или шесть, - пишет Экман, - мораль этой притчи произвела на меня сильное впечатление. Но не припомню, чтобы я вспоминал о ней, когда, став подростком, случилось обманывать своих родителей и друзей. Может быть, мне пошло бы на пользу, если б родители и позднее продолжали свои моральные наставления. Я же лишь в юношеском возрасте на собственном опыте, будучи однажды преданным, испытал, как трудно возродить доверие".

Родители не должны скрывать свое разочарование тем, что ребенок вредит самому себе, когда обманывает. Однако, и в этом отношении профессор Фэлкон ребенка только наказывать. (Впрочем, непонятно, почему должен быть наказан только один участник отношений, если речь идет о кризисе. Ведь очевидно, что в этом кризисе виноваты обе стороны. Получается, что нести ответственность за общую вину должен тот, кто слабее.) Если ребенок лжет регулярно, Чак Фэлкон советует родителям начать с исправления типичных ошибок, провоцирующих ложь. Наш гнев, наши угрозы, постоянные ссоры не помогут, потому что война характеров только усугубляет проблему. Если разочарование по поводу детской лжи не меняет ситуацию, лучше не позволять ребенку разрушать ваше настроение. Ваше разочарование и гнев ребенок может воспринимать как награду, как признак победы над вами. Вероятность лжи уменьшается, если родителям удастся сохранять спокойствие.

Между тем ложь может многое рассказать о переживаниях ребенка, которыми он с нами не делится, не надеясь, что мы можем ему помочь. Например, ребенок дает понять своим знакомым, что ваша семья намного состоятельнее, чем на самом деле. Он рассказывает, что получает большие суммы на карманные расходы, а дома у него есть такие вещи, о которых мечтают все его ровесники. Или детям, пишет Фэлкон, надо помочь в поисках заработка, чтобы они могли хотя бы отчасти осуществлять свои мечты. Конечно, в Америке с этим проще, а у нас - кто же возьмет на работу двенадцатилетнего? Да и родителям беспокоиться, если их подросток бегает по городу, расклеивая объявления или стоит у метро, раздавая рекламные листовки. Иначе выходящей дочери делать за нее часть работы - выверять географические названия, "вбивать" в текст сноски и ссылки. За это девочка получала деньги, которые тратила на новые диски и краску для волос.

Если ложь вызвана слишком строгими правилами, которые установили родители, стоит задуматься, может быть, есть смысл "расширить границы". Возможно, ребенок уже вырос из детской площадки под окном, а это по-прежнему единственное место, где ему разрешают гулять.

Зачастую мы ведем себя как следователи, забывая о том, что у ребенка есть право на личную тайну. И речь не только о подростках, такое право есть у человека любого возраста. Пол Экман в этой связи напоминает о Пятой поправке к американской Конституции. Эта поправка дает человеку право не выдвигать в суде обвинения против самого себя. Родители детям в этом праве отказывают, хотя обвинения нередко складываются по крупице, чем в суде. А дети, естественно, борются, как могут.

Моя знакомая семья живет в небольшом городке в Калифорнии. Однажды около полуночи в доме раздался телефонный звонок и матери сообщили, что ее 16-летний сын находится в полицейском участке. Мальчика задержали, поскольку он в неурочное время оказался на улице без сопровождения взрослых. Мама была уверена, что сын давным-давно спит в своей комнате, о чем она и сообщила полицейскому. Но представитель власти настаивал на своем. Поднявшись в комнату сына, родители увидели, что чадо спит, уютно завернувшись в одеяло. Однако под одеялом обнаружился вовсе не ребенок, а огромный плюшевый мишка, принадлежащий младшему брату. К медведю булавкой была приколоты записка. "Мама! Если ты нашла эту записку - я проведу эту ночь у своей девушки. Не стал обсуждать это с вами, потому что вы бы меня не пустили". По дороге к девушке подруга и встретился с полицейским. Услышав эту историю, моя шестнадцатилетняя дочь заявила, что ее американский сверстник был абсолютно прав во всем: и поступил по-своему, и сделал так, чтобы родители не волновались. А что в участок попал - так от случайностей никто не застрахован.

Есть особый случай детской лжи - ложь, связанная с употреблением алкоголя или наркотиков. Пожалуй, это единственный вариант, когда мы должны настаивать на правде. Она необходима, чтобы помочь, потому что сам ребенок из беды не выберется. Надо приложить все силы и убедить ребенка, что гиперреакция не последует, вся зависимость от того, что он сообщит. Важно выяснить не только, какой продукт и в каких количествах он употребляет, необходимо понять чувства подростка. Психологи советуют не строить и не обсуждать решения проблемы, пока родители не получили всю информацию: что употребляет подросток, как часто, что он по этому поводу чувствует и что привело его к такому поведению.

Ситуация с алкоголем и наркотиками экстремальна и, конечно, требует чрезвычайных мер. Если же говорить о случаях менее тяжелых, ложь нередко возникает в ситуациях, когда дети чувствуют, что на них оказывают давление и вынуждают лгать. Если это повторяется часто, ребенок привыкает ладить с ложью.

"Родителям не следует отказываться от своих убеждений по поводу того, как должно себя вести, - пишет Экман. - Но в то же время нам надо относиться к детям так, чтобы дети знали, что они могут доверять вам. Доверие детей вначале достается родителями даром, по мере того как дети взрослеют, это доверие все время приходится заслуживать. Проблема лишь в том, что дети сплошь и рядом считают давлением то, что мы, родители, называем заботой и интересом к своему ребенку. И здесь нам никогда не договориться." В книге Пола Экмана "Почему дети лгут" есть глава "Взгляд подростка на проблему лжи", написанная Томом. Она начинается с эпиграфа, сочиненного самим мальчиком: "Смиритесь! Дети будут лгать вам, пока смерть не разлучит вас". |

ПОЧЕМУ ДЕТИ ЛГУТ

пол экман

- профессор психологии Калифорнийского университета (США)

Почему одни дети лгут больше, чем другие. Если ребенок способен решить задачу, не подглядывая, то он, скорее всего, не воспользуется готовым ответом. Ребенок, достаточно сообразительный, чтобы предвидеть риск разоблачения, тоже, вероятно, лгать не станет. Но если риск невелик или для достижения цели не требуется интеллект, хорошие способности не противодействуют лжи.

Дети-лжецы менее приспособлены к жизни, и детская ложь позволяет нам предсказать вероятное нарушение закона в дальнейшем. Но большинство из тех, кто в детстве лжет, закона потом не преступают. И нам неизвестно, является ли ложь причиной или всего лишь одним из проявлений неприспособленности растущего человека.

По некоторым наблюдениям, нечестность представляет собой часть более обобщенной личностной особенности, характерной для детей, склонных манипулировать другими людьми в своих целях. Такая склонность к манипулированию у некоторых детей проявляется примерно в десять лет. Никем не установлено, может ли она возникнуть раньше, никто также не выяснил той роли, которую родители играют в становлении этой черты.

Некоторые дети, но далеко не все, страдающие от недостатка родительского внимания, лгут чаще. Влияние на ребенка могут оказать друзья, которые лгут и совершают неблагоприятные поступки, для сокрытия которых им снова приходится лгать. Влияние сверстников наиболее сильно в подростковом возрасте. Интересно, что важную роль при этом играет отношение мальчика к своему отцу. Те подростки, которые уважают своих отцов, более устойчивы к влиянию товарищей. И обнадеживает то, что по мере взросления большинство детей лгут все меньше.

Станет ребенок лгать или нет в какой-то конкретной ситуации, зависит не только от перечисленных факторов, но и от особенностей самой ситуации. И здесь играют роль не только особенности ребенка или влияние семьи и друзей. Солжет ли он, зависит также от того, что поставлено на карту. Провоцирующее влияние различных соблазнов более существенно в младшем возрасте. Говоря словами психологов Хартшорна и Мэя: “Честность – это совокупность особых действий, характер которых зависит от той ситуации, которая провоцирует на обман. Мотивы нечестности, ловкачества и воровства очень сложны и столь же разнообразны, как и сами нечестные поступки”.

Что более важно – интеллект, личность, неприспособленность к жизни, родительское воспитание, друзья, особенности ситуации? Никто этого не знает, потому что до сих пор не проведено исследование, которое позволило бы ответить на данный вопрос. Я же считаю, что относительная роль перечисленных факторов зависит от возраста (как мы видим на примере влияния друзей) и от индивидуальных особенностей каждого ребенка. |

Экман П. Почему дети лгут. М., “Педагогика-Пресс”, 1993

Экман П. Психология лжи. СПб., “Питер”, 2001

ОТ ЛЖИ К ЧЕСТНОСТИ

Маргарита Жамкочьян

– психолог, редактор первого издания книги Пола Экмана "Почему дети лгут" на русском языке, сейчас – научный редактор нашего журнала

Лжи повезло больше. О ней пишут, выделяют виды и подвиды, описывают процесс и признаки, по которым ее можно узнать. Но мечтают о честности.

А что это такое честность? Просто ложь со знаком минус, то есть не искажение истины и не утаивание правды? Нам говорят – родители хотят воспитать детей честными людьми, но не объясняют, что имеется в виду. Считается, что и так все знают? Боюсь, что это только кажется. Потому, что если честность – это антиложь, то родители хотят, чтобы дети не лгали, то есть хотят контролировать то, что полностью контролировать не могут.

Поскольку честности от детей хотят почти все нормальные родители, многие из которых лгут сами – в том числе и своим детям и при своих детях, – то само это желание лживо или лицемерно по сути. На самом деле мы хотим полностью контролировать всю внешнюю и внутреннюю жизнь ребенка – "чтобы он не...", "чтобы она не...", "чтобы они не..." – так не стоит лгать, что воспитываем честность.

Кстати, и ложь становится необходимой защитой от контроля – вот почему ее так ценят дети, которые плохо умеют лгать и все время попадают, вот почему независимые и зрелые люди начинают осознавать прелесть правды – "Правду говорить легко и приятно". Мой любимый пример – диалог с мамой четырехлетней девочки. Она лежит на диване и спрашивает маму: "Ты знаешь, о чем я сейчас думаю?" – "Нет, солнышко, не знаю". – "Вот и хорошо".

Не спрашивайте – и вам не солгут.

Кстати, исследователь лжи Пол Экман рассказывал мне, как нелегко ему было сознательно контролировать себя, чтобы не позволить себе никакой, даже самой мелкой и безобидной лжи, чтобы честно смотреть в глаза своим детям, требуя от них такой же честности. Но понимая под честностью отказ от лжи, он стремился к тому же контролю, но только не в лицемерном, а честном и открытом варианте. И ради правды, права на контроль шел на жертвы. А то, что контроль для него очень важен, можно понять по такой незначительной детали: в книге "Почему дети лгут" он упоминает вскользь, что в его семье принято каждый вечер за ужином обсуждать, что произошло за день со всеми членами семьи, даже самыми маленькими и даже с гостями что-то вроде самоотчетов. Погостив несколько дней в его семье, я тоже удостоилась такой чести.

Но предположим, что под честностью имеется в виду не отказ от лжи, а некоторое нравственное качество вроде черты личности. "Я хочу, чтобы мой ребенок был честным". – "И что это значит?" – "Ну я хотел бы, чтобы он всегда говорил правду, не боялся ее, уважал себя за это, был достаточно умен, чтобы понимать, что правда всегда откроется, умел смотреть фактам в глаза..." Но если такое личностное качество – честность – существует, то мы можем ожидать, что оно будет проявляться в большинстве ситуаций и с большинством людей. Не всегда и не везде, потому что есть и социально приемлемая ложь, и ложь, вызванная нравственными ценностями, которые сильнее принципа или прелести правды – например, не выдать друга, не предать, не донести. Бывают и искушения, перед которыми трудно устоять. Не будем требовать абсолютной честности и правдивости, пусть будет хотя бы большинство случаев.

Такое исследование было проведено и осталось уникальным и неповторимым. В 20-е годы XX века, почти сто лет назад, была предпринята попытка найти общий фактор честности, то есть склонность оставаться честным, не поддаваться соблазну солгать, украсть, смошенничать, исказить результат. Здесь надо кое-что прояснить. Ко времени этого грандиозного исследования, авторами которого были американские психологи Хартшорн и Мэй (на них в своих книгах часто ссылается Пол Экман), был открыт общий фактор интеллекта. Множество тестов, "измеряющие" разные стороны интеллекта были подвергнуты специальной математической обработке, в результате которой выделился общий генеральный фактор интеллекта. Это означало открытие некоторой общей способности успешно решать задачи, требующие разных способностей. Ведь на первый взгляд совершенно не очевидно, что человек, проявивший хорошую эрудицию в одном задании, так же успешно справится с задачами на скорость мышления, на концентрацию внимания и складывание фигур из разрезанных кусочков типа паззла. Но оказалось, что такой общий фактор есть, и его назвали генеральным фактором интеллекта. Он был получен и для детей, и для взрослых.

Не удивительно, что многие исследователи загорелись желанием выяснить, есть ли еще такие же общие факторы, которые отвечали бы за другие способности человека. Хартшорн и Мэй выбрали честность.

Исследование было проведено с детьми 10-12 лет, а уникально оно тем, что разработчикам пришлось придумать и осуществить на практике, то есть разыграть десятки разных заданий, каждое из которых представляло собой социальное действие. Честность проверить – это не интеллектуальные тесты решать. Все должно было выглядеть правдоподобно, все действующие лица должны сыграть свои роли. В чем был смысл заданий? В каждом таилось искушение солгать или смошенничать, но в каждом был и выбор не поддаться искушению. И все было устроено так, чтобы дети не догадались, что здесь есть подвох и что они под контролем. Например, одно из самых простых заданий – контрольную работу, скажем, диктант – проводил посторонний для ребят человек. После окончания работы "учитель" собирал их, сверял с контрольным листком у себя на столе, но "не успевал" исправить ошибки и поставить отметку. Его "неожиданно" вызывали из класса, и он оставлял ребят на несколько минут одних. Естественно, за классом наблюдали, а учитель при проверке помечал ошибки каждого на специально приготовленных листах. У детей был шанс исправить свои ошибки, хотя и рискованный.

А вот пример более изощренного действия: детям выдавали ящички с конструктором, чтобы они собрали какое-то несложное устройство, а потом вернули ящички на место на стеллажи, которые находились за спиной "учителя". Фокус заключался в том, что в ящичках в одном из отделений среди мелких деталей, шайбочек и гаечек лежали монеты разного достоинства. Выглядело это как случайно забытая мелочь. Никто не контролировал детей, ящички они относили на место сами и были уверены, что никто не видит, куда они ставят свой ящичек. Естественно, все было пронумеровано и зафиксировано, кто взял деньги. Были и задания, в которых была возможность обмануть родителей, учителей, чужих взрослых, сверстников, смошенничать, чтобы улучшить свой результат, но математический анализ показал, что никакого общего фактора в поведении детей во всех этих разнообразных ситуациях нет. Склонность быть честным всегда и перед всеми не была обнаружена, так же, как и тотальная ложь. Честность рассыпалась на мелкие способности: кто-то предпочитал не обманывать себя, кто-то – родителей, кто-то мог солгать, но не мог украсть, а кто-то, наоборот, мог присвоить деньги, но не воспользоваться возможностью солгать. Все рассыпалось.

Итак, первая ложь – ложь как реакция на контроль, на страх перед наказанием... И здесь многое зависит от того, какая атмосфера в семье, есть ли другие способы защиты и ухода от контроля. Второй уровень – ложь-качество, ложь-способность, ложь-ресурс или соответственно честность как способность. Здесь видно, что многое зависит от ситуации и что нельзя огульно никого назвать лжецом, к счастью, но и абсолютно честным тоже. Но есть и третий уровень – это ценность честности.

Речь идет о том, что мы ценим в жизни – например, доброту, искренность или честность. И если честность для нас важна, то мы будем стремиться поступать честно и от других ждать того же. Это определит выбор друзей, ожидания от близких и требования к детям. Честность как ценность начнет регулировать отношения, а не реакцию и не способ поведения. И, наконец, она начнет приносить удовлетворение, и говорить правду действительно станет легко и приятно. Но это уже совсем другая честность: она не требует говорить гадости и жестокую правду в лицо ("Я тебе как лучшая подруга скажу..."), она не становится жестким принципом, невзирая на обстоятельства, она остается ценностью – может быть, одной из важнейших, но не единственной – и будет соотноситься с остальными, ибо ни одна ценность у нас не существует и не действует сама по себе. Это позволяет нам быть гибкими, разнообразными и в то же время не нарушать то, что мы не можем позволить себе нарушить. Потому что за отступление от собственных ценностей мы заплатим не стыдом разоблачения и не наказанием от папы с мамой, а разрушением ядра личности, которое и образуют ценности. И самым страшным из наказаний – самонаказанием. |

КАК РЕШАТЬ ПОЧТИ НЕВЫПОЛНИМЫЕ ЗАДАЧИ

Светлана Кривонова - кандидат психологических наук, руководитель центра адаптации детей и подростков "Генезис" Светлана Кривонова - автор уникального учебного пособия "Жизненные навыки. Уроки психологии в 1 и 2-х классах"

Для начала определим, чем они отличаются от совсем невыполнимых задач и от вполне выполнимых, множество которых, привычных и понятных, мы решаем ежедневно?

Совсем невыполнимые задачи - это задачи, время решать которые еще не пришло, либо это наши проблемы. А они в свою очередь не могут быть выполнены, так как в невыполнимом (проблемном) состоянии приносят нам больше пользы, чем в состоянии разрешенном. Кто-то, например, многие долго жалуются на то, что с партнером по браку жить невозможно, но не разводятся. Другому не хватает на что-то времени, но он ничего не делает, чтобы изменить ситуацию, или делает нечто такое, что заведомо не может привести к желаемому результату. Можно сказать, что наши проблемы - это просто факты, которые мы помещаем в мешочки и пишем на них: "Какой ужас! Этого не должно быть! Это несправедливо". Носим мы этих мешочков на себе так много, сколько можем унести и так долго, сколько сил хватает, и все же наступает момент, когда мы начинаем превращать свои проблемы в задачи, у которых есть решения, жить-то как-то надо. Желание решить задачу способом, которым она не может быть решена, решить по-моему, называют упрямотом. Как правило, наше упрямство приводит к тому, что мы испытываем отчаяние и полную беспомощность, только тогда вдруг понимаем, что видели ситуацию не совсем реально, что столько времени бились в стену, а вход-то был рядом и не заперт. И наша проблема оказывается задачей, у которой есть решение, но оно не достигается сразу и легко. Короче, это Почти Невыполнимая Задача.

Итак, когда стадия жалоб пройдена, когда точка отчаяния пережита, когда ситуация, в которой мы оказались, воспринята как вызов обстоятельств и этот вызов нами принят, мы имеем дело с Почти Невыполнимыми Задачами. Я стою перед лицом жизненной задачи, я очарован обнаруженным смыслом. "Я сделаю это, - говорю я и... спрашиваю: с чего же начать?"

У детей, да и у нас с вами осознание трудности поставленной задачи, когда кажется, что она почти не разрешима, может вызвать разные чувства: от азарта до отчетливого страха. Но какими бы решателями задач по жизни мы ни были, азартными или осторожными, первое, что приходится сделать, собрать свою решимость для того, чтобы взглянуть на долгий и трудный путь к цели.

Первый шаг в решении Почти Неразрешимой Задачи - признать и трезво оценить всю ее трудность. Задача действительно трудная. Не стоит ее недооценивать. Например, многие проблемы детской неуспеваемости возникают из-за того, что уже в начальной школе у ребенка формируется страх неудачи. И он защищается от этого страха очень просто, он как бы говорит своим поведением: "Я не буду даже пробовать, все равно не получится". Как ни странно, формированию этой позиции способствует учителя и родители, люди, как правило, интеллектуальные и образованные. Они оптимистично верят в его детские возможности. "Да ты что, не с той ноги встал сегодня?" - говорит папа. - Задача-то пустяковая..." Для человека с высшим образованием это действительно так. А у ребенка не получается, и он чувствует свою беспомощность. На этом фоне фраза о том, что задача простая, логично приводит к подозрению, что дело во мне, что я, оказывается, неспособный. Правда же состоит в том, что задача совсем не проста для этого конкретного ребенка, с его опытом и его возможностями - она как раз почти невыполнима. Взрослые же своим наивным подбадриванием и подзадориванием по сути обесценивают усилия ребенка.

На это можно возразить: как же мотивировать ребенка к решению Почти Невыполнимой Задачи, если часто и мы сами признаем, что, если бы знали о том, сколько трудностей ждет на пути к цели, никогда не ввязались бы в это дело.

И все-таки лучше переоценить трудности, чем их не заметить. Преодоление естественного "надоело". Нам, взрослым, когда мы были детьми, совсем нелегко было учиться в школе, мы, конечно же, нуждались в поддержке и понимании взрослого, но почему-то теперь, увидев страдания над задачей своего ребенка, спешим сообщить ему не о своем сочувствии, а о своих успехах, о том, что задача-то простая. Парадокс. Не стоит недооценивать адекватность из школьного учебника. Мудрые учителя, начиная сложную тему, обязательно скажут о сложности материала, как, например, знакомый учитель английского языка, который в начале урока, посвященного сложной форме английского времени, рассказал классу о том, как двадцать лет назад, когда он впервые столкнулся с этой темой, ничего не мог понять и только через несколько лет разобрался во всех тонкостях. А вот другой пример - разговор учительницы с неуверенным первоклассником.

"Саша, что случилось?(Саша молчит.) Не получается задача?" (По глазам видно, это именно так, кто из нас не помнит, столько в детских глазах чувств: у Саши это отчаяние, граничащее со слезами, у Коли - гнев). "Ничего удивительного, что ты расстроен - эта задача очень трудная", - в этот момент она дарит ему понимание и как бы дает разрешение на сильные чувства, на страх и неуверенность. Она словно говорит: ты имеешь на это право, перед лицом такой трудной задачи не стыдно и растеряться ненадолго. И продолжает: "Можно посмотреть, что ты уже сделал? Прочитал? Хорошо. Записал условия? Отлично, вот уже два шага сделаны. Ага, первое действие абсолютно правильно. Все отлично, Саша, вот до этого места. Ты попробуешь еще разок сам или тебе нужна помощь кого-то из ребят?"

Итак, с неуверенными детьми как будто ясно. А с самоуверенными взрослыми как обстоят дела? Недоценка трудности задачи приводит нас к простой вещи: человек активен и к тому же очарованный привлекательным результатом предлогает, что почти невыполнимую задачу можно решить "одним махом", сразу и быстро. Иногда это действительно так. Обычно это бывает, когда достижение договоренности требует от участников вхождения и куража в хорошем смысле этого слова. В таком состоянии мы можем произвести впечатление на важного человека и помочь сдвинуться решению какого-то вопроса. Однако подавляющее большинство сложных задач требуют последовательного выполнения нескольких шагов, операций, "подзадач", сложные задачи потому и называются сложными, что в буквальном смысле складываются из нескольких, а то и многих составляющих. Поэтому, второй шаг в отношениях с Почти Невыполнимой Задачей - правильно разложить задачу на ряд последовательных задачек поменьше.

Согласитесь, сама идея о том, что сложную задачку можно разделить на несколько задач попроще, детям совсем не кажется банальной. Особенно для детей активных, эмоциональных и самостоятельных, тех, которые привыкли все делать сразу, одним махом. Они в растерянности отступают перед большим домашним заданием, потому что "не знаю, с чего начать". А в школе их учат решать простые задачи, но Почти Невыполнимые Задачи решать не учат. Более того, их учат раскладывать на действия задачки по математике, но не учат переносить этот навык на другие ситуации.

Середина заканчивает первый класс. Недавно, она пришла из школы встревоженная и даже сердитая: "Мама, мы никак не успеем сегодня съеззить!" (А собиравшись мы на прогулку в парк по поводу редкого маминого пребывания дома в будний день). "Почему?" - удивилась я, зная, как она ждала этой прогулки. "Нам задали по математике огромное задание, часа на два, не меньше. Я не успею, не успею!" - в голосе было отчаяние. Мое удивление росло, потому что в медлительности нашу Василису обвинить трудно, она очень подвижная девочка. Она вообще может работать либо быстро, либо никак (второе означает - "из-под палки" или "с бабушкой за спиной"). Открываем задачу. В тетради в клеточной сетке нарисован геометрический орнамент, довольно замысловатый, надо сказать, и его следует воспроизвести несколько раз, столько, сколько поместится до полей. Я представила себе, какие чувства вызвала у подвижного ребенка задача, требующая методичности и кропотливости - ужас, потому что она не решается сразу. "Я подсказка тебе одну хитрость - сказала я. - Давай разделим задачку на несколько маленьких шажков. Сначала посчитаем, сколько клеточек занимает этот узор. Посчитали. Сколько раз он поместится до конца странички? Поставь точки - получилось два повтора. Такой повтор называется раппорт, о нем можешь расспросить у бабушки, она, когда вяжет на спицах, имеет с ним дело постоянно (достое носок с узором, показывая). Теперь бери листочек бумаги и прикрой весь узор, кроме первого столбика. Сколько отрезков? Всего три здесь и здесь два. Сможешь их повторить?" Конечно, сможет, делает, с огромным удивлением и удовольствием однопятные и простенькие узоры, разделенного по столбикам рисунка. "И это все?" - в глазах восторг, - так быстро?" Она справилась за десять минут, не успев даже похныкать по поводу усталости. "Мама, а ты еще каким-нибудь хитростям научишь меня?" В глазах трогательное доверие... А на следующий день вдруг говорит: "Знаешь, насчет вчерашней задачи, которую мы так легко сделали с помощью хитрости... Все-таки нехорошо, что мы обманываем Елену Владимировну..."

Елена Владимировна, понятно, учительница, и вопрос мой к ней не заданный, вопрос даже не к ней, а к ученым-педагогам, разрабатывающим содержание образования в первом классе: почему же не научить детей простому правилу - не можешь решить задачку сразу, разбей ее на маленькие кусочки, фрагменты, шаги, действия. Парадокс: именно этот принцип заложен в технологические решения любой задачи, которые первоклассники решают тут же, на этом же уроке (первое действие, второе действие), но почему-то он не распространяется на задачи математические, вернее, даже как в нашем случае - на графические или просто с другой тематикой. Почему не распространяется на выполнение заданий по русскому языку или окружающему миру, почему не обобщается до уровня жизненного навыка?

Вот бы показала учительница детям апельсин и спросила: ребята, как мне съесть этот апельсин с удовольствием? Вот представьте себе, что я не знаю, как это сделать. Или, наоборот, как мне превратить процесс поедания апельсина в неприятный и хлопотный? Что мне нужно сделать для этого? И дети на последний вопрос наверняка ответят: да вы съешьте его со шкуркой или попробуйте сразу весь засунуть в рот. Конечно, они правы: чтобы испортить удовольствие от самых приятных занятий, нужно вознамериться сделать их быстро и сразу, "проглотить" одним махом.

Тогда, как же съесть апельсин с удовольствием? Оказывается, нужно аккуратно почистить, лучше с помощью ножа, который хорошо бы приготовить заранее, а то руки придется идти мыть. А потом разделить на дольки, и каждую съесть не спеша. Оказывается, так же устроен и секрет решения Почти Невыполнимых Задач, любящих из учебника или из жизни, от приготовления бутербродов на компанию друзей до уборки собственной комнаты после того, как эти самые друзья по домашнему разошлись. Чтобы решить Почти Невыполнимую Задачу, нужно заранее-навесть разбить ее на последовательность Выполнимых Задач!

Детей, которые этому не научились в школе, в институте этому тоже скорее всего не научат, а вот, попав на производство или в бизнес, научиться этому придется, хотя бы в сфере своей профессиональной компетенции. Именно этому обучают взрослых тренеры и дядей, работающих в фирмах и организациях, оргконсультанты и бизнес-тренеры.

Две логики

Чтобы правильно разложить почти невыполнимую задачу на ряд последовательных задачек поменьше, важно понимать, что психологическое содержание того, как путем выполнения отдельных действий достигается цель, может быть самым разным. Когда-то была очень популярна психологическая теория поэтапного формирования умственных действий Петра Яковлевича Гальперина и его школы. Там говорилось, что любую задачу можно решать тремя способами: 1) методом "проб и ошибок"; 2) следуя образцу и 3) самостоятельно выстраивая технологию, включая логику задачи, то есть ориентируясь на инвариантное содержание целого круга задачек. Этот последний тип ориентировки самый эффективный. В школе Гальперина были разработаны эффективные методики формирования внимания на примере письма в третьем классе, обучения письму, причем не только русскоязычному, но любому и сразу, развитием логических навыков сериации, классификации и подведения под понятие и есть огромное количество работ, связанных с самыми разными школьными предметами и техническими дисциплинами. В рамках теории Гальперина и были описаны две логики: логика той реальности, которой касается задача, и совсем другая логика - того, что в связи с этим следует предпринять. Но еще в начале XX века немецкий психолог Гуго Мюнстерберг предложил назвать такой подход в психологии психо-техническим. Он говорил: у нас есть наука психология, она дает знания о человеке и его внутреннем мире, но должна быть и другая наука, о том, что с этими знаниями делать. Назвал он такую науку психотехникой. Еще пример Мюнстерберга: ботаника дает основания для логики предку, а агрономия - для логики действий с ним. Физика дает знания о мире, а инженерия - о том, как что-то сделать, опираясь на физику.

Какое все это имеет отношение к нашим Почти Невыполнимым Задачам? Некоторые задачи можно решать по образцу, например, зачем изобретать что-то новое, чтобы сделать ремонт на кухне. Достаточно пойти в гости к соседке, порадоваться ее свежему ремонту и порасспросить об опыте, "сыне ошибок трудных". Скорее всего, это значительно облегчит выполнение задуманного. Если же я собираюсь профессионально разбираться в области отделки и монтажа, тогда, конечно, стоит изучить логику материалов и весь сложный строительный процесс. К этому, второму типу ситуаций относится, например, приготовление пищи. В поваренных книгах, в которых подробно описана технология приготовления, нет логики процесса превращения сырых ингредиентов в вареное, некусное во вкусное. Такую информацию можно почерпнуть из книги Похлебкина, прочитав ее, ты действительно понимаешь, что можешь приготовить все что хочешь, потому что знаешь логику продуктов, мяса, круп, специй. Так и в производственной сфере: чем лучше практик ориентируется в логике предмета, тем большее количество вариантов решения задачи он найдет. Тем выше его профессиональный уровень. Это дается образованием.

Про логику предмета же как будто понятно. Если логика высшей, дорогой к цели так запутывается и усложняется, что ее не сможет пройти даже самый настоящий человек. Не хватит денег переделать ремонт, если в ванной плитку выложили, а потом подумали про то, что и трубы надо менять, поклеили обои, а потом только вспомнили про подполки. Принесли документы в паспортный стол, но не приготовили фотографию. Пригласили гостей, и только потом выяснилось, что все были заняты, понадеялись на бабушку, но с ней обсудить планы забыли.

Собственно, наш опыт - тот самый, за который мы платим самым дорогим, что у нас есть - временем своей единственной жизни, и содержит знания о многом, а том, с чем нам приходится сталкиваться. Профессионал отличается от дилетанта как раз тем, что знает подробности, которые дилетанту неинтересны. Смысл образования в том, чтобы легче и быстрее разбираться в этой самой логике. Это знание подробностей об "устройстве жизни" в разных ее проявлениях делает человека более уверенным. Собственно, сами знания, есть ли что иное, как ориентировка в предметности, которой касается задача. Итак, второй шаг - разложить задачу на составляющие, ориентируясь на внутреннюю логику того, с чем задача имеет дело.

Способы решения задачи зависят от человека

Нет двух одинаково решенных задач. Вслед за уважением логики, объективной и неизменной (дважды два и в Африке четыре), мы обращаемся к психологии, к себе самому, как еще одному немаловажному обстоятельству, на которое следует ориентироваться. Уникальность исполнителя обеспечивает уникальность исполнения. Есть немало людей, которые обладают настойчивостью и энергетикой для "мощного броска". Для решения многоэтапной задачи они собирают бригаду помощников и четко распределяют обязанности. Делать что-то самим, особенно делать нечто методично и аккуратно, для них невозможно. Они восхищаются своей предприимчивостью, но вызывают жалость своей зависимостью от помощников, сами по себе они ничего не могут.

Есть другие люди с методичным и аккуратным стилем жизни. Им не нужно объяснять, что для решения какой-то задачи, будь то субботняя уборка квартиры или организация свадьбы на пятьдесят человек, нужно составить план. Списки, планы, алгоритмы они составляют без всякой сказки. А затем аккуратно шагают за шажком следуют своим планам, строго без отклонений. Их списочный стиль делает их почти независимыми от помощников. Просто количество шажков в цели становится чуть больше, дорожка удлиняется. Говорят, что такие люди больше доверяют миру предметов, чем миру людей. Говорят, что им не хватает спонтанности и они не отличаются гибкостью в ситуации, когда план оказался подчиненным не той цели, но в большинстве случаев люди с методичным характером оказываются весьма эффективными в решении Почти Невыполнимых Задач. И мы можем поучиться у них не только и не столько способности жить по плану или следовать списку, сколько поразительной радостной готовности разбираться во внутренней логике поставленной задачи, открываться для нее всей душой, тратить на нее свое время и свои чувства.

У первого из описанных типа людей именно в этом месте навыка возникает уже собственно психологическая проблема. Она связана не с рациональной стороной жизни, а эмоциональной. Мне и самой, к примеру, часто просто не хочется вникать в логику предмета. Страшновать. И получается: как бы так сделать ремонт на кухне, но при этом не вникать в детали, и чтобы в душе все оставалось не затронутым: в этом ремонте столько сложностей, потенциальных неприятностей, я же неприятностей не вынесу, я в ремонте вообще ничего не понимаю. Поэтому-то задачи, вполне решаемые, с точки зрения одних людей, для других почти не разрешимы. Они не только добавляют туда очень серьезное условие - задача должна решиться, но сам человек хочет остаться эмоционально не затронутым. Заметьте, речь не идет о лени, человек готов что-то делать, он не готов приблизиться душой к задаче, прожить ее эмоционально, упасть в нее, как в воду. А без этого, увы, они не решаются. И это третий шаг навыка решения почти невыполнимых задач.

Персональной составляющей задачи можно считать привычку искать изыщные решения. А вот совсем другая особенность, формирующая индивидуальный стиль решения Почти Невыполнимых Задач - ее можно назвать ленью или слабой энергетикой, когда человек не важно по какой причине предпочитает неэкономные, изыщные решения. Умение видеть неочевидное изыщное решение в этой самой предметности называется, как известно, креативностью, способностью к творческому мышлению. Меня всегда восхищали изыщные способы решения очень сложных задач. Желая избить свою неспешку Психею, Афродита приказала ей принести шерсть сморгла быка, которые настели на соседней поляне. Психея с быками справиться не смогла, но дождалась ночи, когда быки уснули, и тихоенько собрала клоки шерсти с колючих кустов, растущих на краю поляны. Изыщные решения иногда называют типично женскими - в них мало трудовзатрат, а результат достигнут.

Не надо думать, что Психея не переживала условия. Этапы творческого поиска, приводящие к инсайту - переформулирование условий, в результате которого обнаруживается единственно правильное решение, - включают и момент сомнений, и даже временного отказа от найденного. Однако доверие к чутью здесь может сыграть важнейшую роль, не менее важно тренировать творческие навыки. Как, например, соединить тремя линиями четыре точки в углах квадрата так, чтобы карандаш не отрывался от листа бумаги? Как из шести спичек выложить 4 треугольника? Искать нестандартное и соответствующее твоей индивидуальности решение - четвертый шаг навыка решения почти невыполнимых задач.

Итак, Почти Невыполнимые Задачи требуют от нас компетентности, ума и креативности. Но они также включают желание или готовность, или решимость посетить себя этой самой логике, окунуться в задачу. Эту способность личности Виктор Франкл называл интенциональностью. Основатель логотерапии - психологии, помогающей людям найти смысл в трудных ситуациях, автор теории о том, как важно брать себя в руки невыполнимую задачу и по принципу интенциональности просто окунуться в нее, позволить себе весь мир вокруг затронуть. При этом важно не думать о своих чувствах, о том, как сейчас выглядишь со стороны, поблещишь ли что-нибудь у такого человека, как я, и ... И тогда может случиться удивительное - человек не только решит задачу, но и обретет себя, узнает о себе что-то новое.

Пятый шаг навыка решения Почти Невыполнимых Задач - подключить решимость. Возвращаясь к детям: школа быстро и эффективно обучает бояться Почти Невыполнимых Задач. А должна бы сделать так, чтобы ребенок принимал вызовы ситуаций с удовольствием!

Для того чтобы у ребенка зародилась концепция "ниге" неужели пробовать, все равно не получится?" сменялась на здоровую "жажду подвига", необходимо сделать так, чтобы ценностями детей стали риск, мужество и преодоление.

Цельной и эмоционально отзывчивый мир детской души может быть наполнен историями о героях и сказками о богатырях. Мира ребенка готов к этому. Дети, которые учатся в начальной школе, да и младшие подростки чрезвычайно чувствительны к воздействию сказочных и легендарных образов, во всеобщих любимых образах, поэтому так важны рисование, лепка, коллажи. В традиции вальдорфской педагогики, как ни в какой другой педагогической традиции, пожалуй, понимают важность коротких периодов особой чувствительности души ребенка для переживания и усвоения определенных духовных сущностей. Прагматически настроенные педагоги часто недооценивают того, как сказки и легенды важны для формирования ценности преодоления и в целом, итого, вполне приземленной мотивации достижения и здорового честолюбия. Вальдорфцы рекомендуют легенды о героях Эллада, ибо дух Греции с его оптимизмом и идеями патристическими особенно близок детям (возраста. (Добавлю, что речь идет о настоящих легендах, лаконичных и сдержанных, без избыточных подробностей, а не об их американизированном пересказе.) Герои собственного народа, иконоборцы и некоторые "андерсеновские" сказки также хороши для этой цели (к сказкам Андерсена нужно относиться очень осторожно, но "Снежная королева" и "Дикие лебеди" - прекрасные образцы смирения и преодоления в женских образах). Не знал о революционном подходе в педагогике, многие мудрые учителя и родители делают по сути то же самое, рассказывая детям о дедушке-герое войны или о дяде, покорявшем целинну, или о прабабушке, воспитавшей восьмерых детей. Наши предки-герои - прекрасный образ, легенды о них делают наших детей сильнее.

Итак,

1. Пригласите и трезво оцените трудность поставленной задачи.

2. Подумайте, какова ее логика, как можно разбить задачу на ряд выполнимых промежуточных шагов. Ориентируйтесь по возможности на логику предметной области, с которой связана задача, например, если она требует участия других людей, думайте об их чувствах и потребностях.

3. Откройте душу для предметной области, которой посвящена задача, подготовьтесь к тому, что придется всей душой прожить ее, смотреть сны об этом, думать и размышлять, забросив на время другие задачи.

4. Пойщите творческое решение, которое бы нравилось вам, соответствовало бы вашей индивидуальности.

5. Нырните в задачу и сохраняйте упорство по пути к цели, удивляясь тому, как много нового о себе самом вы узнаете благодаря наличию этой задачи в вашей жизни.

Но может случиться так, что жизнь преподнесет условия, неожиданный вызов, который изменит планы и отодвинет в сторону хорошо продуманный проект, который еще утром на всех парах несся к цели. И тогда хорошо бы остановиться и спросить себя, правильно ли отказать от задуманного? Или услышать тихий ответ - да, который хоть и прозвучит на фоне горького разочарования или даже сильной злости, но будет услышан, потому что ответ этот сообщает мою совесть. Тогда я скажу: я сделал, и все, что мог, однако, видимо, пока не судьба. Может быть, потом, в следующий раз... И такая позиция, кажущаяся на первый взгляд непрагматической и глупой, в масштабе всей жизни оказывается наиболее правильной, потому что утраты знания способности не только отравить радость от достигнутого успеха, но и заставить человека потерять себя самого, а это хуже, чем мысль о своей непрактичности и неэффективности. Что заставляет нас отдавать отложенные на ремонт деньги на лечение ребенка, родственника, отказываясь от выгодной работы ради того, чтобы быть со своим больным, защищать безнадзорное дело, рискуя карьерой? Что выгоднее успеха? Хорошие отношения с совестью. Что же еще?]

В учебнике "Жизненные навыки. Уроки психологии во втором классе", который готовится к выпуску в издательстве "Генезис", мы специально обучаем детей проектной деятельности на примере того, как накормить бутербродами всех учеников класса. Второклассники с удовольствием обнаруживают логику процесса, понимают, что, не сделав шаг А, нет смысла начинать следующий шаг В. Вкусное и полезное образование, по их мнению.

ИСТОРИЯ ЛЮДЕЙ | **Ирина прусс** *Ирина Прусс - журналист, постоянный автор нашего журнала*

Среди множества олимпиад и конкурсов школьников этот занимает настолько особое, отдельное место, что хочется назвать его просто "Конкурс", без предварительного "Всероссийский" и хвоста "исторических исследовательских работ старшеклассников". Без названия:

"Человек в истории. Россия XX век".

Как будто он один на белом свете и всем сразу ясно, о чем идет речь...

Третий раз историко-просветительское и правозащитное общество "Мемориал" вместе со своими организаторами и спонсорами награждает лучших юных исследователей, сумевших добыть и нетривиально прокомментировать неизвестный документ (а их, оказывается, великое множество, только руку протяни), восстановить историю своего рода в прошлом веке, записать воспоминания бабушек-дедушек, соседей, односельчан о самых трагических событиях прежде всего их жизни, а потому и жизни страны: в мельчайших деталях реконструировать ткань повседневности, утекшей пальцами... Первый конкурс: 1600 работ. Второй: 1800. Третий: 2600. Рывок свидетельствует: статус конкурса поднялся, он вошел в культурную и общественную жизнь страны. На работы школьников ссылаются профессиональные историки и продолжают поиск, начатый детьми в совершенно неожиданном месте. Например, раскопав материалы местных архивов, Станислав Аристов и Алексей Чепрасов впервые четко сформулировали вопрос: почему знаменитый писатель Андрей Платонов так и не был привлечен к "Делу мелиораторов" в тридцатые годы в Воронеже, где он работал, хотя все дело с какого-то момента явно строилось "под него" и подследственные указывали на него как на главу "заговора"? На вопрос этот нет ответа, но важно правильно задать вопрос, а он до сих пор не звучал. Работы год от года становятся все грамотнее, все искуснее - работа с архивными документами, подшивками газет, с "респондентами" - живыми свидетелями и участниками далеких (и не очень) событий.

Не слишком многие даже из победителей конкурса станут профессиональными историками. Об этом с грустью говорит бессменный председатель Оргкомитета конкурса Ирина Лазаревна Щербакова, преподаватель Российского государственного гуманитарного университета; и тут же себя поправляет: "Да нечего врать на себе волосы: если у нас будет много юристов и экономистов, которые имеют представление об истории и своей семье, и страны - это просто замечательно. Но жаль, что порой прагматический выбор вырывает будущих талантливых историков, которые на самом деле не меньше нужны нашему обществу... Даже самые талантливые боятся, что академическая карьера их не прокормит..."

Но совсем не профессиональные навыки ученого и не будущая карьера историка - главное, что получают дети, работая на конкурс. Главное совсем в другом...

Встреча с прошлым

"Мы сидели с бабушкой за столом", - рассказывает о том, как она писала историю своей семьи, Наташа Лапина, восьмиклассница из села Куркино Вологодской области; ее работа так и называется "Судьба моей семьи в истории России XX века". - "Бабушка была напротив меня, ее руки лежали на столе, и она все время или что-то перебирала. Видно было, что она волновалась и воспоминания давались ей с трудом. Бабушка почти не смотрела на меня, и все смотрела куда-то в сторону. Потом она заплакала. Она отказывалась вспоминать, как ей было больно. Постепенно бабушка успокоилась и рассказала мне о своей жизни. Иногда она с интересом заглядывала в тетрадку, смотрела, как я пишу".

"Я воспитанница детского дома и никогда не думала о том, что меня заинтересует чья-то судьба, потому что с раннего детства я была никому не нужна, - пишет во введении к своему исследованию Нина Берденкова, тоже восьмиклассница и тоже великая жительница - воспитанница детского дома-школы из села Борки Тюменской области (работа "Узник Яринлага", третье место среди победителей конкурса). - Мне было очень больно это осознавать. И когда мне предложили узнать и изучить биографию этого человека, я не отказалась и не жалею об этом. Как и из каких источников я узнала об этом человеке? От его дочери Асии Валишевны, нашего воспитателя, которая рассказала мне о нем и познакомила с дневником его воспоминаний о пережитом. У меня никогда не было дедушки, и я захотела узнать о нем больше, как будто это мой родной дедушка. Вместе с Асией Валишевной мы были в ФСБ Тюмени, где изучали его уголовное дело".

"Работая над собранным материалом, я впервые почувствовала масштабы трагедии тридцатых годов, - признается Екатерина Конева, ученица 11-го класса из села Елбань Новосибирской области, проходившая этот период в школе; ее работа "Великая ломка". Сибирская глубинка в 30-е годы" заняла первое место. - Так больно было всматриваться в людское горе, спущенное сверху, людьми, олицетворяющими большую власть. Передо мной прошли искалеченные судьбы конкретных людей. Слушая их горькие исповеди, я плакала вместе с ними, возвращаясь к тем страшным дням".

Таких высказываний множество. Судя по ним, подростки, занявшись историей не событий, а людей в этих событиях (что твердо оговорено в условиях конкурса), причем чаще всего людей близких и тех, кто становился таковыми по ходу работы, приобретают прежде всего не научный, а человеческий опыт. Они находят повод плакать, удивляться, восхищаться за пределами узкого круга собственных каждодневных забот и мелких событий, масштаб которых можно осознать, только сопоставив его с масштабом подлинных трагедий, взлетов и падений, подвигов, страхов, надежд. Они вообще научаются плакать по поводу, который того стоит, - над болью других людей, что само по себе, возможно, ценнее всего остального...

Может быть, именно непосредственная человеческая близость к "объектам исследования" освобождает их мысли от стандартных идеологем, старых и новых. Например, девочка из Воронежской области написала работу о своем прадеде - полном георгиевском кавалере, герое первой мировой войны. Прекрасный материал для столь модной ностальгии по дореволюционному прошлому, для восторга перед величием царской России и царской армии, тем более что герой сюжета - непосредственный предок... Но автор чудной работы, рассказав и о том, как прадедушка сажали большевики и с каким трудом он выжил, рассказала заодно и о том, каким он остался в памяти родственников и односельчан - дубоширом и пьяницей.

И какая-то очень взрослая мудрость в рассуждениях другой девочки о своем прадеде, мелком сотрульнике спецорганов: он, конечно, сейчас говорит, как он тогда во все верил; наверное, и правда, верил; но вообще-то куда ему было деваться после войны на Западной Украине - не с очень большими способностями, не с очень хорошим образованием, из нищей семьи, а там - и погоня, и звездочки...

Не правда ли, такой мудрости весьма способствуют занятия историей...

Прошлое в настоящем и будущем

Интересно смотреть в прошлое их глазами - не всегда заранее скажешь, что вызовет их удивление. В прошлом году, например, новочеркасские школьники пытались брать интервью о кровавом разгоне демонстрации рабочих в 1962 году у пожилых людей на улицах, в поликлинике, в магазине - и были немало ошарашены тем, что с ними никто не рвался говорить на столь щекотливую тему, от них просто бежали даже старушки, проявляя неожиданную пруть... А вот тем, что их одноклассники имели весьма смутное представление о событиях сорокалетней давности или вовсе не имели ни малейшего представления о том, что происходило в их родном городе, чему свидетелями были их родные и близкие! - этим они удивлены не были.

Впрочем, что там старушки в поликлинике! Около пятидесяти работ на третьем конкурсе были посвящены чеченской войне; дети разговаривали не только со своими братьями и отцами, они пытались брать интервью и получать документы в военкоматах - вот уж где никто не испытывал ни малейшего желания с ними сотрудничать... В одном из военкоматов девочку почти навели на местное отделение ФСБ - и представьте себе, вооружившись сборником опубликованных работ предыдущего конкурса, она прямо туда и отправилась. Наверняка она даже не поняла бы моего восхищенного удивления ее внутренней свободой...

- Может быть, самое главное, что они освободились от разного рода "общественно-политических" страхов, - говорит Ирина Лазаревна. - Это исключительно важно, ведь страх влияет и на память. Другое дело, появился новый тип страха: зарабатывать меньше определенного уровня или вообще остаться без работы - как на Западе. Это толкает их не к политическому конформизму, чего от них пока и не требуется, но часто предопределяет выбор пути, профессии.

Конечно, все эти многоумные авторы остаются подростками, только не такими, какими были мы в свое время. А иногда и в чем-то почти такими же. Хотя бы в склонности романтизировать войну. Впрочем, как говорят, это чаще проявляется в описаниях афганской войны: по отношению к войне чеченской наши дети - последовательные пацифисты. Хотя почти никто из них не склонен разделять для чеченского народа, не потрясен несправедливостью, которой обернулась эта война для мирных жителей Чечни ("А что вы хотите, этого нет и в обществе...") - положение армии, простых солдат вызывает их глубокое недоумение: за что? Ради чего?! И все же, все же...

- Какая-то степень романтизации, конечно, присутствует, и не только, к стати, у детей: оружие, форма, на броневиках и бронетранспортерах... От Киплинга идущая романтизация колониальной войны: "И только пыль, пыль, пыль от шагающих сапог..."

Исследовательские работы как материал для исследования

Конечно, главная наша задача - пробудить в подростках интерес к истории; но этот широкий мемориальный просветительский проект имеет и обратную сторону: мы хотим и можем узнать, что наши дети думают. В исследовании конкурса в той или иной мере были вовлечены 20 000 человек, включая родственников, детей, учителей. Мы можем понять, как, каким образом функционирует историческая память в разных поколениях россиян, насколько сохранилась связь между этими поколениями; как локализуется память и существует ли коллективная память, что стало фактом культурной памяти, что не стало, каковы основные мифы, которые повторяют дети, каковы их представления о будущем, о патриотизме, о том, что такое свое и чужое, национальное и интернациональное.

Разумеется, главная задача конкурса - побудить подростков всерьез заняться историей. Но есть же у этого дела и обратная сторона: "Мемориал" уже накопил шесть тысяч работ старшеклассников, в которые так или иначе были вовлечены, по прикидкам устроителей, не менее 20 000 человек из разных уголков страны. Это потрясающий, уникальный материал для изучения того, как функционирует культурная историческая память России. Как она передается из поколения в поколение и насколько теперь тесны связи между ними. Какие события она вбирает в себя как главные в разных регионах страны. Какие исторические мифы сегодня повторяют дети и что они вообще думают о прошлом, настоящем и будущем, о патриотизме, о "своем" и "чужом" рядом с собой.

Вот первый же вопрос, который приходит в голову: почему среди авторов конкурса решительно преобладают жители маленьких городов и сел? (Распределение работ третьего конкурса таково: из крупных городов - 24 процента, из средних и малых - 39, из мелких населенных пунктов - 37 процентов).

Ответ "навскидку" Ирины Лазаревны таков:

- Во всех странах, включившихся в сеть аналогичных конкурсов "Евростори" (теперь и мы вошли в нее), больше всего работ присылают сельские жители; это общая закономерность. В крупном городе у вас на многое хватает времени? Город давит разным образом, у детей много возможностей как-то иначе провести время. Усталость от людей начинается, когда все время находишься в толпе, в людей не хочется вглядываться, хочется закрыть глаза. И компьютер в качестве приза для московских-питерцев не такая уж приманка. Опять-таки бедность у нас две трети из 67 приглашенных получат призы подняли руки, что они никогда не бывали в Москве. А как теперь попадут в Москву дети из Хабаровска, если их родители не новые русские? У нас на транспорте такая слабая система скидок - конечно, детям надо бы большие скидки... Потом связи между поколениями в маленьких местах сохраннее, чем в крупных. И, может быть, иное отношение к окружающему миру. Конечно, есть и желание хоть как-то пробиться - это нормально. И у нас есть примеры, когда девочку из провинции уже и на радию "Свобода" пригласили. Мы все больше о чистой любви к науке говорим, но ведь желание успеха, желание выиграть тоже имеют значение.

Хотелось бы, конечно, ответов не "на вскидку": насколько крепки еще связи между поколениями там, в селах и рабочих поселках? Какую именно отношение сельских подростков к окружающему миру и чем оно отличается от отношения юных жителей больших городов?

Или вот особенность региональной памяти - тоже самые общие впечатления по трем годам работы конкурса:

- У каждого региона свои болевые точки и своя культурная память. У коренных питерцев обязательно возникнет тема блокады. В Коми, республике нескольких, это память ОБУЛАГА. По-моему, там каждый ребенок уже написал по несколько работ. Их активность не случайна: их близкие были вырваны из своих корней, перемешались, много лет скрывали свое прошлое - совершенно ясно, что идет восстановление, а то и создание разными способами этой культурной памяти. У них нет ничего другого, это их основа. В прошлом году мальчишка написал про БАМ: я понимаю, какой это был ужас, все, что там происходило, но иначе бы я не родился, это моя история, один дед ссыльный, другой - ссыльный, они там встретились... Юг России, казачество - это две темы: голод и рассказывание. Если Магадан - это и будет памятник, эти города так и возникли, о чем им еще писать. Из Бурятии много - об уничтожении буддийских храмов и о их восстановлении. Из Калмыкии - конечно, о высылке калмыцкого народа, не утихающая главная боль. А сквозная тема, когда глубинная Россия с нами разговаривает, - это история крестьянской России, и таких работ меньше не становится. Материал совершенно уникальный, его нигде нет, это записанное только что: история крестьянских семей от дореволюционного времени до наших дней.

Все это отнюдь не последствие, и временно, как переплетается общая национальная память с памятью региональной: ну что для России в конце концов депортация калмыков? А для них - ключевое событие в памяти каждой семьи. Или турок-месхитинцев, крымских татар. Сейчас то же самое повторяется с беженцами - для них это главное событие, а как это сочетается с общей памятью России, трудно сказать.

Хотя стали появляться интересные вещи совсем другого рода: повседневность после войны, картонная система: или прежде полностью татуированная тема - жизнь в оккупации. Несколько работ, очень удачных. Явно это тоже было пятым. Отношение к немцам, друг к другу, к партизанам, с которыми очень трудно до сих пор разобраться. Есть работы вокруг чего-то странного, удивительного - например, о детском доме вывезенных из Испании детей.

У "Мемориала", естественно, нет сил на такого рода исследования: в Германии, где аналогичные конкурсы идут уже около тридцати лет, анализом работ занят большой научно-исследовательский институт... У нас же, как кажется, национальным хобби давно стало исследование легкомысленное: ходить рядом с уникальными богатствами - и даже не нагнуться, чтобы поднять...

Учителя и наставники

На титульном листе каждой работы внизу - фамилия научного руководителя работы. По условиям конкурса участие взрослых - учителей, родителей, кого угодно - не просто допускается, но даже приветствуется, с одним только условием: степень этого участия должна быть оговорена в предисловии или отдельной записке.

Чаще всего советниками и руководителями выступают именно учителя. Некоторые принимают такое опосредованное участие в конкурсе не первый раз. Их вызывают на семинары; из года в год руководители их прециозных работ приезжают вместе со своими молодыми исследователями в Москву и их премируют как победителей - компьютерами. Сельский учитель немецкого языка (а не истории!) Николай Макаров ужасно обрадовался этому призу, потому что в его школе ни одного компьютера не было - даром, что школа-то в Воронежской области, не так далеко от Москвы, - и детям пришлось исхитряться, чтобы набрать свою работу на компьютер (это совсем не обязательно, но так хочется выглядеть современно). Об этом учителе Ирина Лазаревна говорит как о настоящем подвижнике:

- О патриотизме теперь болтают до того часто, что стыдно слушать, а тут не болтовня, тут поступки: молодой человек с прекрасным знанием немецкого языка сидит в своей сельской школе, подбивает учеников участвовать в конкурсе... Да вообще-то, что у нас много хороших учителей, при их-то положении, что нонсенс и личный подвиг каждого. Часто они вообще оказываются в учители, потому что были изгоями, не найдшими себе применения в другой области. Или просто женщина, очень любящая детей, профессию, а за ней стоит муж, который семью более или менее кормит.

Организаторы конкурса случайно оказались свидетелями довольно типичной семейной драмы: молодая учительница приезжала на семинар из Краснодарского края; а мужа, бывшего капитана 3-го ранга, оставила "на хозяйстве". Его уволили с флота - чем теперь жить? Учительница - на семинар, капитан смотрит за всем хозяйством. Они же целый скотный двор держат. На Западе это даже представить себе невозможно, чтобы учитель кормился тяжелым крестьянским трудом.

- И все-таки, - говорит Ирина Лазаревна, - я считаю, что и в школе за эти годы произошли позитивные изменения, прежде всего за счет того, что появились компьютеры, а с ними - выход в Интернет. Из него, конечно, и много гадостей можно вынуть, но все же они не так теперь отрезаны от мира: пощелкаешь-пощелкаешь и найдешь почти любую информацию, а то и собеседника, примешь участие в дискуссии.

Демифологизация истории

Клясться в любви к Отечеству нынче снова вошло в моду. Это становится чем-то вроде обязательного ритуала, который должен подтвердить идеологическую добросовестность говорящего и тем самым - его пригодность к дальнейшей карьере. Во всю разворачивается мощная мифологизация прошлого, в ход идут и старые мифы, созидаются и новые.

Президент фонда защиты гласности Алексей Симонов на вручении наград победителям третьего конкурса задал юной аудитории странный вопрос: "Вы когда целуетесь - глаза закрываете?" И продолжил неожиданную свою метафору:

- Память состоит из любви и открытости. Без любви нет памяти; память "с закрытыми глазами" - лицемерие. Об этом еще Чаадаев сказал: я не могу любить родину на коленях и с закрытыми глазами. Сегодня нам опять предлагают делать именно это: любить с закрытыми глазами, строить мостики между прекрасным и чудовищным в нашей истории, убеждая себя, что вообще-то это одно и то же. Вы - наша надежда на то, что подобная операция не получится.

Противопоставить мифам можно только то самое, что и делает "Мемориал" своим конкурсом: пробуждать в людях память о том, как все было в самом деле - отыскивая документы, записывая рассказы пока еще живых свидетелей событий быстро отдаляющегося от нас XX века. Обучаясь сомневаться и доказывать, сопереживать и негодовать, осмысливать и сохранять крупицы подлинной истории.

Пусть эти идеи останутся кем угодно, им не так просто будет заморочить головы очередными идеологическими бреднями. |

ЧТО МЫ ЧИТАЕМ ДЕТЯМ | *Владимир Хотиненко*

У меня, как и у многих, есть это обобщенно-безличное мнение: сейчас никто ничего не читает, во всяком случае мало кто читает всерьез, не для коротания времени в метрополитене. С другой же стороны, может, это и не всем нужно - то, что мы называем серьезным чтением? Может, мы стали жертвой мертвой установки, некоего стандарта: что чтение - необходимая составляющая жизни каждого? Не исключено, что все относительно и что вовсе не всякий обязан читать нечто серьезное.

Но вот "детское чтение" - вещь безотносительная. Мы должны читать нашим маленьким детям. И читать им мы должны сказки. Именно сказки, но не современные, какие-то хищные, а те, что обычно называются "сказками народов мира", те, в которых в небольших дозах заключены добро и зло. Эти сильные, категорические вещи в хороших сказках всегда используются в гомеопатических дозах - как яд для лечения. Когда дети повзрослеют, они успеют отравиться ядом сильных переживаний, сильных чувств. Они еще будут потрясены собственным цинизмом, когда обретут более или менее ясное понимание добра и зла... А сказки придуманы для воспитания, они как прививка для адаптации к жизни. Именно поэтому я не считаю детское чтение, если речь идет о маленьких детях, собственно чтением, то есть какой-то интеллектуальной деятельностью. Ведь в необходимых для взросления сказках в маленьких дозах заключен яд жизни.

В конечном итоге вся культура - и интеллектуальная, и материальная - формировалась на сказке, потому что именно в ней - формула существования в мире. Сказка - код, и в ней намек... В сказках "спрятан" некий код, необходимый для связи с реальностью и людьми. И так складывалось веками, и этой мудрости не перецеголять. Так что в моем мнении, конечно, нет ничего оригинального. Но оно правильное, вот в чем штука.

А насчет интеллектуальной деятельности детей постарше... Подростки сейчас действительно читают, кажется, чрезвычайно мало, но кто сказал, что решительно всем надо читать "умные книжки"? Может, вполне достаточно, что читает из них процентов десять? Мир меняется, и позиция "не читают - значит остаются дураками" вполне могла устареть. Да и вообще у всех разные способы получения-извлечения информации. Да, тут царство относительности. Ведь далеко не всем нужно развиваться интеллектуально. Кому-то - эмоционально, кому-то - художественно, кому-то - музыкально... Не то чтобы ситуацию не нужно драматизировать, но вполне можно не драматизировать. Природа свое возьмет. А она у каждого своя. |

ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ В ИНТЕРЬЕРЕ ОБЩЕСТВА

Ирина Хоменко
- кандидат педагогических наук, доцент Российского
государственного педагогического университета им. А.И.
Герцена (Санкт-Петербург)

Однажды в гостях, пока у взрослых шла подготовка к традиционному застолью, меня взялся развлекать трехлетний Дима. Мы степенно беседовали. Я рассказывала, что живу в Петербурге, он уважительно слушал, то и дело кивая:

- Знаю, знаю. Это красивый город. Мне папа рассказывал.

Как воспитанный человек, я пригласила Диму в гости - посмотреть Петропавловку, погулять по Невскому проспекту, полюбоваться фонтанами, но он с сожалением покачал головой:

- Нет, не поеду я к вам... Ни за что!

- Почему? - растерялась я, и он тут же пояснил:

- Потому, что не хочу, чтобы меня там ВОСПИТЫВАЛИ.

Слово "воспитывали" Дима произнес четко, весомо, осознанно. Чувствовалось, что он хорошо знает, о чем говорит.

- Кто же тебя будет там воспитывать? - удивилась я, а он вдруг ответил:

- Вы.

- Я?! - переспрашиваю, не веря своим ушам и перевозжу взгляд на маму, которая, услышав слова сына, замерла на пороге комнаты. Подруга отрицательно трясет головой - мол, ни боже мой, никогда я этого ему не говорила...

Дима терпеливо уточняет:

- Вы вот кто? Вос-пи-та-тель-ни-

ца. Мне про вас так мама сказала. Что вы детей и студентов учите. Значит, вы - воспитательница. А воспитательницы всех ВОСПИТЫВАЮТ. Но я же не все. Я НЕ ХОЧУ, чтобы меня кто-то ВОСПИТЫВАЛ. Меня и так воспитывают-воспитывают - в садике и дома тоже.

Бедный ребенок! Трехмесячного пребывания в детском саду оказалось достаточно, чтобы сформировать четкое представление об образе воспитателя. И образ этот привлекательным не назовешь. (Интересно, как на это наука педагогика смотрит: не хотят ее "объекты" и даже "субъекты" подвергаться очаровательному педагогическому процессу. Впрочем, еще Лев Толстой, кажется, писал, что ни одно воспитание не отобьет у человека желание быть счастливым).

Я торжественно обещаю Диме, что не буду его воспитывать ни при каких обстоятельствах, и он, похоже, верит мне на слово, а о приезде в Питер обещает подумать...

У представителей разных профессий разный имидж. И мы по-разному относимся к милиционерам и служителям церкви, налоговым инспекторам и врачам, бизнесменам и видилеям. Иногда название профессии становится психологической характеристикой человека. Но учитель - профессия особая. Какими же видит нас, учителей, современное общество?

Оставим в стороне анекдоты, байки и другие народные творения. Хотя, как известно, именно в этих произведениях устного народного творчества ярче всего виден образ и школы, и учителя. Обратимся к самой современной аудитории для изучения общественного мнения - интернет-сообществу. Оно объединяет, смею надеяться, образованную и равнодушную часть современных родителей, которые заботятся о развитии своих детей, тщательно выбирают школу, изучают законы и пытаются отфильтровывать окружающую среду, в которой растет их ребенок. Казалось бы, они должны радоваться встрече с профессионалами, педагогами, которые иногда тоже появляются на интернет-форумах. Но, увы, этого не происходит. Мне, к примеру, пришлось почти контрабандным путем завоевывать доверие уважаемой виртуальной публики. (Напомню тем, кто нечасто пользуется интернетом: форумы или дискуссионные группы - это своеобразный клуб в интернете, куда может заходить любой желающий и оставлять там свои сообщения. Форумы удобны тем, что в разговор посетители сайта вступают только тогда, когда им это удобно. На сайте форума вы оставляете сообщение, а через некоторое время, читаете отклики и, возможно, вновь вступаете в виртуальный разговор. Посетители форумов живут в разных городах и странах, а потому у вас есть отличная возможность узнать об особенностях их жизни, школьной в том числе. Любой новичок обычно рассказывает о себе - знакомится и затем присоединяется к участию в обсуждениях.)

...Поначалу, когда я представилась как человек, имеющий непосредственное отношение к педагогике, родители отреагировали с подозрением. В любых моих сообщениях они выискивали авторитарность и предвзятость, видели желание "выгородить учителей", всех "построить под одну гребенку" и "осчастливить" с помощью кнута и пряника. А уж слово "социализация" вызывало просто-таки панический ужас, хотя никто толком не знал, что же оно на самом деле обозначает. Пришлось пойти другим путем и поменять ник - то имя или псевдоним, которым подписывается каждый участник виртуального общения. И начать все с чистого листа.

Так я стала "обычной мамой", обеспокоенной судьбой и собственного ребенка, и отечественного образования, - что тоже было абсолютной правдой. И довольно быстро мой авторитет возрос, а мои высказывания теперь называли взвешенными и мудрыми: "авторитарность" превратилась в "уверенность в выбранной стратегии воспитания", "предвзятость" - "точкой зрения", "выгораживание учителей" - "справедливость по отношению к обеим сторонам", а "строительство под одну гребенку" - "развитие социальных навыков". Как странно! Стоило только обрести статус обычного человека, и веса в моих словах прибавилось. А ведь я так гордилась своей профессией, считая её самой уважаемой в мире.

Вы замечали вот какую особенность: если в общественном месте при возникновении неоднозначной ситуации находится человек, который "знает, как правильно", - он наверняка окажется учителем. Слово "учитель" у многих взрослых людей ассоциируется со страхом "быть обученным", причем без согласия на это. Как комплимент я восприняла слова, сказанные в мой адрес на одной конференции, где собрались представители разных гуманитарных профессий. Коллега удивленно заметил: "Надо же, а Вы совсем не похожи на педагога!", как будто быть похожим на учителя - неприлично.

Как же так: тысячи уважаемых и не равнодушных к своему делу людей дают нашим детям возможность состояться как личностям, занимаются их образованием и просвещением, проводят вечера, не отрывая головы от стопки тетрадей, ходят в походы в свое законно свободное время, вытирают малышам носы и мирят поссорившиеся Индивидуальности. Я помню свою тетю, преподававшую в школе иностранный язык, у которой дома вечно толкались ученики ее класса, потому что другого места для общения у них не было. Помню бесконечное кипячение чайников (выпивались вмиг!), разговоры, "капустники", танцы. Моя двоюродная сестра просто-таки выросла "на руках" у учеников своей мамы, и до сих пор они звонят учительнице и поздравляют с праздниками. И все-таки нас называют "воспиталками", "мегерами", а бывает, и вовсе неприличными словами? Откуда вообще берутся "училки"?

Большинство родителей, в общем-то, хотят для своих детей не так уж и многого: чтобы на них не кричали, относились уважительно; чтобы советовались и им, родителям, позволяли принимать участие в решении проблем, касающихся образования их ребенка. Родители готовы обойтись без бассейнов и евроремонта и даже учебники готовы покупать сами. Они принесут в школу цветы для озеленения класса, будут мыть окна и организовывать экскурсии. Они многое могут сделать для своих детей, но заставить учителя перестать кричать или унижать публично ребенка родители не могут. И, мне кажется, что вот это родительское бессилие и выражается в настороженном отношении ко всем педагогам. Учитель априори выступает как агрессор, опасный своей непредсказуемостью. Что происходит за стенами школы - зачастую остается тайной. Родители боятся туда заглядывать. Дети начинают рассказывать. Администрация пытается примирить всех теми же авторитарными методами.

Известны слова Уинстона Черчилля о том, что школьные учителя обладают такой властью, о которой премьер-министры могут только мечтать. Другой политик заметил, что власть человека развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Родители пытаются противостоять этой тотальной власти над ребенком. Увы, как умеют.

Анализ родительской аудитории, обсуждающей в интернете школьные проблемы детей, показал, что, как правило, выбор делается между двумя "полярными" способами: задарить учителя и "раздавить" его. Одна из участниц нашего форума рассказала, что догадалась до комбинированного варианта: сначала подарила дорожку ручку, а потом начала "разбирать" его. Но почему невозможен третий и, казалось бы, самый простой вариант - диалог? Тот самый, о котором написано немало диссертаций и издано книг (по гуманистической педагогике). Где он, этот диалог в современной школе? Кто его должен начинать? Кому он нужнее?

На сайте Общественного института развития школы (www.iinsd.net/forum) уже долгое время общаются заинтересованные мамы и папы. Они рассказывают об историях, происходящих в современной школе, обмениваются опытом, размышляют о том, какими путями можно было бы наладить отношения "школа-семья". Из их сообщений видно, что родители всеми способами пытаются достучаться до сердца педагога. Хотя страх, который они испытывают перед таким разговором, гораздо больший, чем когда они идут на "ковер" к начальнику на работе. Видимо, память о своих школьных годах мешает им чувствовать себя свободно. А им, так же, как и их детям, от педагога требуется поддержка. Вот как раз в этом случае - требуется.

Но учитель продолжает смотреть на родителей сверху вниз. И чем родители компетентнее и активнее, чем больше они "вмешиваются" в образовательный процесс, тем они "неудобнее" для учителя. Опять парадокс. Слово школа мечтает распоряжаться ребенком по своему усмотрению, как будто он - сирота.

Каждый год мои студенты старших курсов проходят практику в образовательных учреждениях Санкт-Петербурга. И потом пишут обстоятельные ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ отчеты о том, чему же они научились в школах, что интересного видели.

Каждый год мои первокурсники пишут эссе о тех учителях, которые им запомнились.

Что же пишут студенты о школе?

Пишут разное и удивительное.

Вроде бы все знаю, что есть в одиночку, когда тебе ДЕТИ, (возможно, тоже несътые) - неэтично; что не слушать, когда человек говорит - невежливо. Ну а публичное подчеркивание физических недостатков недопустимо ни с какой стороны. А как расценить привычку учительницы варить макароны в лаборантской, бегая туда-сюда, чтобы они не переварились, пока у доски отвечает ученик? Или публично сказать ребенку, что он никогда не научится говорить быстро, потому что у него "заячья губа"?.. Но ведь - говорят. Кричат. Унижают. Чавкают на уроках, прихлебывая кофе. Вос-пи-ты-ва-ют.

Удивительно ли, что не хочет общество себе таких невоспитанных воспитателей? Удивительно ли, что контрмеры родителей тоже не всегда отличаются этикой? Как говорить, чему научили, то и пожинаем. Замкнутый круг?

Обидно - и за учителей, и за профессию. И за слово "воспитание", которое "вос - ПИТАНИЕ", питание и взращивание. Однако у общества оно по-прежнему вызывает протест и аллергию.

Я встречала в своей жизни замечательных учителей, от которых получила действительно настоящие уроки. Если они пытались ВОСПИТЫВАТЬ меня - у них это получилось замечательно. И мои студенты видят в школе не только неприятные моменты, пишут о мудрости и отзывчивости педагогов, их открытости и желании делиться профессией в школе - счастьем. Об отношении к детям не формально-служебном, а глубоко личностном, когда твоя жизнь вплетена в десятки других жизней... И о благодарности учеников.

Но вот общество в целом испытывает к представителям нашей профессии совсем другие чувства... Значит, ответственность за это лежит все-таки на нас, педагогах? Значит, это мы его так воспитали? Увы, мы не всегда задумываемся о том, что своими поступками постоянно вносим лепту в формирование (или воспитание?) общественного мнения - и когда вызываем слезы у ребенка, и когда заставляем чувствовать бессилие родителей...

Как потом аукнется эта боль? Какой образ останется в памяти? |

РОЛИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ ДЛЯ НАШИХ ДЕТЕЙ | *Маргарита Жамкочьян*

Неожиданно многих читателей заинтересовали роли, которые играют наши дети: Нытика или Принцессы, Жертвы или Героя, Растяпы или Упрямца... Роли, которые мы, родители, вольно или невольно поддерживаем. Распознавание ролей оказалось интересной творческой задачей и натолкнуло родителей на новые открытия. Некоторые читатели неосознанно, понимая, что сами сформировали у ребенка образ поведения, например, преищессы, а потом, когда обожаемое существо превратилось в законченную эгоистку, не знали, что с ним делать. Мама, так гордившаяся своей "принцессой", начала страдать от того, что та не считается с другими людьми. Закономерно встал вопрос, можно ли изменить роль, которую играют дети, "подбросить" им другую или подкорректировать старую.

Мы по себе знаем, как не просто меняться, даже если осознаем необходимость смены ролей. А ведь ребенок другой роли просто не знает. Можно его стыдить, ругать, убеждать вести себя по-другому, но это не изменит ситуацию, разве что усугубит чувство вины. Во 2(11) номере журнала мы рассказали о том, как доктор психологии Хейм Джинотт научил родителей - участников своего семинара - распознавать роли, которые играет ребенок, и как к этому относиться. Мы познакомились с очень грустным мальчиком, который был уверен, что он ничего не может, и в глубине души мама была с ним согласна. Способностей у ребенка особых не было, все, что он делал дома и в школе, получалось плохо. Ситуация усугублялась тем, что мать, которая рано овдовела и растила сына без отца, жалела его и старалась многое делать за него. И вот произошла метаморфоза, которая вдохновила наших читателей на творческие поиски. В чем же дело? Почему "Мистер печальный мешок", уныло смирившийся с тем, что он ничего не может, вдруг изменился и поверил в себя, да еще так быстро, словно фея дотронулась до него своей волшебной палочкой?

Поразительно, как похоже на чудо правильное взаимодействие с ребенком. Надо найти ему новую роль - ту, о которой он боится и мечтает, но которой тоскливо жаждет. (Доктор Джинотт помог увидеть матери грустного мальчика его отчаянное желание стать мужчиной.) Либо ту, о которой мечтаете вы сами, как, например, мама маленькой принцессы-эгоистки, которая также отчаянно хочет, чтобы ее дочь любили и принимали окружающие.

- Надо начать вести себя с ребенком, - говорит доктор Джинотт, - так, как если бы он уже был в этой новой роли, то есть был мужественным, умеющим, добросердечным. Как это делается, вы можете уловить из еще одной истории, рассказанной Адель Фабер и Элен Мазлиш. Она очень похожа на репортаж с места событий, в котором непосредственное участие принимает американский психолог доктор Джинотт. Он, известнейший детский психотерапевт 60-70-х годов, ведет семинар с самыми обыкновенными матерями, которые решили научиться правильно общаться со своими детьми.

Но есть и третий пункт в трансформации ролей, который может ускользнуть от неподготовленного читателя или показаться мелочью, - для новой роли нужен ресурс. Очень важно найти ресурс у самого ребенка - в прошлом или у нас самих - в настоящем. Это может быть воспоминание, когда ребенку что-то удалось удачно сделать. Дети об этом могут не помнить или не придавать этому значения. Ребенок болел и выздоровел, казался бы, естественная вещь. Но ведь теперь он знает, как выздороветь. И это в какой-то момент может оказаться его ресурсом. Все дети любят слушать о том, как они чего-то не умели и научились этому.

Для героя нашей прошлой публикации очень важным оказалось воспоминание мамы о том, как он ловко воспользовался ножницами при поступлении в школу, и восхищенные слова первой учительницы: "Какие руки, какая точность и координация в этих пальчиках". Ребенку, который считал себя неумехой, это позволило сделать первый шаг к новой роли. С тех пор все, что оказывалось в его умных пальчиках, преобразалось и давало ему уверенность в будущем.

Но ресурс, которого в данный момент не хватает ребенку для того, чтобы выскочить из прежней роли в новую, можно найти и в себе самих. О том, как воспользоваться этим, рассказывает героиня сегодняшней истории. Ли - мама "принцессы", не могла найти ничего из прошлого дочери, что могло помочь ей измениться, и она воспользовалась своим собственным ресурсом, чтобы дать почувствовать дочери прелесть новой роли.

Итак, перед вами классическая роль избалованной и очаровательной "принцессы", которая сначала восхищала всех окружающих, а потом подросла и стала пугать близких своей черствостью и эгоизмом. Все должны были плясать под ее дудку, а любое ограничение вызвало у нее протест и истерику. Не правда ли, знакомая роль? С этим надо было что-то делать.

Однажды после школы Сьюзи по своему обыкновению доедала последнюю коробку печенья. Я подумала: "Типично для нее. Ей никогда в голову не придет оставить что-нибудь братьям". Она наклонилась, чтобы почесать ногу, и в этот момент я ухватила коробку. Я сказала: "Это очень мило с твоей стороны, доченька".

Она смущенно посмотрела на меня.

Я продолжала: "Джейсон и Майкл будут благодарны тебе за то, что ты оставила им немного печенья". У нее рот открылся, но она не сказала ничего. "Один-ноль", - подумала я. Но сколько раз мне придется у нее что-то отнимать? Должен найтись способ получше. Тогда меня и осенило. Способ научить ее стать более благородной был единственный - мне быть более благородной. То есть сделать для нее то, чего я обычно не делаю. Дети никогда не ценят постиранное белье, приготовленную еду и тому подобные услуги. Они считают это само собой разумеющимся. Так что когда наступил вечер и Сьюзи задумалась над своим домашним заданием по арифметике, я принесла ей стакан вишневого напитка с кубиками льда. "Почему ты сделала это?" - спросила она, очень удивленная. "Я подумала, что тебе не помешает выпить чего-нибудь для бодрости", - ответила я.

Здесь, конечно, может и не быть никакой связи, но на следующий день Сьюзи сделала то, что дало мне маленькую надежду.

Я спала на диване, когда услышала ее крик. Она кричала на братьев: "Замолчите сейчас же! Разве вы не видите, что мама спит". Ее вопли разбудили меня, но она наконец дала мне ниточку, за которую можно было зацепиться! Когда Хенк пришел с работы, я рассказала ему, что произошло, достаточно громко, чтобы Сьюзи могла услышать. Я описала, как задремала, как мальчики очень шумели и как Сьюзи пришла мне на помощь и утихомирила их, так что я могла еще немного отдохнуть.

"Да, это было очень заботливо с ее стороны", - сказал Хенк тоже очень громко.

Остаток вечера Сьюзи была очень оживлена и ласкова.

Конечно, сейчас я описала наиболее приятные моменты, когда я могла достучаться до Сьюзи хотя бы немножко. А в остальном все продолжалось по-прежнему и по нарастающей.

Вскоре я открыла, что, если Сьюзи не получает того, что хочет, обычным путем, она получает это, используя оскорбления. Как только она меня не называла - от "дура" и "противная" до "ты мне не настоящая мать". А иногда для разнообразия она выкидывала что-нибудь новенькое, например, "я тебя больше не люблю".

И я почти всегда поддавалась. Вы знаете, что спало меня? Одна короткая строчка в моих записях на занятиях нашего семинара: "Есть моменты для родителей, когда надо действовать, а не переживать".

"Что вы имеете в виду? Что это означает для вас?" - спросил доктор Джинотт.

Для меня это значит перестать тратить даром энергию на переживание обиды или попытки защититься от оскорбления. Начать использовать все свое умение, чтобы помочь Сьюзи измениться... Ну, это была нелегкая работа. Прежде всего ей нужно было научиться по-новому разговаривать и общаться со всеми. Ведь она так привыкла командовать и получать, что не знала других путей.

Итак, я начала. Когда она вышла из ванной и сказала как обычно: "Ма! Ты снова забыла дать мне полотенце!" - я крикнула ей в ответ: "Сьюзи, я предпочла бы, чтобы меня просили по-другому: "Мам, не могла бы ты принести мне полотенце, пожалуйста!"

В другой раз, когда я не позволяла ей смотреть телевизор, пока она не сделает уроки, Сьюзи назвала меня "противная" и сказала, что ненавидит меня.

Я ответила ей оскорбленно: "Я не хотела бы, чтобы со мной разговаривали подобным образом. Если ты чем-то возмущена, скажи мне: "Мама! Это меня возмущает! Я хотела сделать уроки телепередачи". Так я узнаю, что ты чувствуешь, и мы посмотрим, что можно придумать".

В следующий раз, когда она обозвала меня "противная", я была менее склонна к благородству. Я только что потратила два часа и десять долларов, покупая для нее необходимые школьные принадлежности. Для арифметики ей нужна была тетрадь в твердой обложке одной толщены, для грамматики - тетрадь в мягкой обложке другой толщены, и сшитая тетрадь должна быть специальным кольцом. После этого эта маленькая соплячка называет меня противной, потому что я не прошла еще целый квартал до другого магазина, чтобы купить ей надувные шарик.

"Юная леди, - сказала я, - позволяете мне рассказать кое-что о вашей матери. Когда вы называете ее противной, это заставляет ее хотеть быть противной!" Я сказала это с таким жаром, что любой нормальный ребенок был бы ошарашен или поставлен на место. Но не Сьюзи. Она начала мне что-то говорить в ответ, но я не стала ее слушать. Я оборвала ее и сказала: "Послушай, что я ожидаю услышать от тебя: "Спасибо, мама, что ты зашла в три разных магазина, чтобы купить все, что мне надо для школы. Спасибо, мама, за то, что ты купила мне сверх того коробку печенья. Спасибо за то, что ты терпеливо ждала, пока я пришла себе пенал как раз такой, какой я хотела".

Несколько женщин зааплодировали. "Не торопитесь восхищаться, - сказала Ли с мрачной иронией. - Такое впечатление, что я знаю все ответы на все вопросы, не правда ли? Но поверьте мне, множество раз я готова была сдаться и сдать бы, если бы не мой муж".

"Можете привести какой-нибудь пример?" - попросил доктор Джинотт.

Ли задумалась на мгновение. "В последнюю субботу Сьюзи хотела пригласить к себе подружку с ночевкой. Я сказала ей, что знаю, как ей хочется этого, и что я хотела бы сказать "да", но в этот вечер собирается наша компания, и я вынуждена сказать "нет". Я думала, что выразилась очень удачно, но на Сьюзи это не произвело впечатления. Она ринулась в атаку со всем своим арсеналом. Она топала ногами и кричала: "Это дурацкая причина. Ты думаешь только о себе и своей дурацкой компании!"

Я не устояла, я готова была пойти по линии наименьшего сопротивления. Я думала: "Да делай ты что хочешь. Имей друзей. Не имей друзей. Все что угодно. Только оставь меня в покое". Но, к счастью, Хенк был дома, и он держался твердо. Он сказал: "Я слышал, что мама сказала, что это неподходящий день для приглашения с ночевкой".

Сьюзи приняла его вмешательство не лучшим образом. Она не привыкла к тому, чтобы отец перечил ей. Она издала душераздирающий вопль, умчалась в свою комнату, бросилась там на пол и продолжала кричать и биться.

Внезапно я почувствовала гораздо желание схватить ее за длинные золотые локоны, оторвать от пола и выспать ей хорошенько и больно. Я сказала Хенку: "Я больше не могу это выносить. Я пойду наверх и прибую ее". Он удержал меня.

"Тогда позволь ей привести эту проклятую подружку на ночь, - взмолилась я, - пока она не разнесла весь дом".

"Мы больше не собираемся позволять ей командовать и распоряжаться нами", - спокойно ответил Хенк. Затем он взял лист бумаги и напечатал на машинке:

Джейсон отнес ей письмо, и мы не слышали ни звука после этого. Он рассказал нам позже, что Сьюзи приходила к нему спросить, что означают некоторые слова, и затем пошла спать.

У меня внутри что-то опустилось. Я так надеялась, что с этим чудесным письмом она придет к нам и мы обсудим многие вещи. Может быть, я ожидала слишком многого. С другой стороны, здесь был и положительный момент. Я не уверена, что могла бы объяснить это, но весь вечер, который я провела с компанией, я чувствовала себя в себе родители. Мы не позволили семилетней дочери низвести нас до ее уровня".

Доктор Джинотт обстоятельно прокомментировал рассказ Ли. "Быть способным справиться с трудной ситуацией и, между прочим, не нарушить свои собственные ценности - да, это может быть глубоко и мудро, но я думаю, что вы должны, но я могу сказать вам с уверенностью, что постепенно вы сможете добиться изменений. Ни один ребенок не может долго сопротивляться такому подходу. Комбинация силы и гуманности обладает огромной мощью".

"Я надеюсь, что вы правы, - сказала Ли. - Иногда я бываю здорово обескуражена. Хотя то, что случилось вчера, заставляет меня думать, что, может быть, прорыв уже наступил".

Раздалось сразу несколько голосов: "Что произошло?"

"У нас в гостях был мой отец, - объяснила Ли, - и принес Сьюзи подарок. Она раскрыла коробку, и лицо у нее вытянулось. "Это маленькая Энн, - сказала она с укором. - А я хотела большую".

Мой отец даже поблел. "Дорогая моя, - сказал он, - ты думаешь, дедушка не старался? Я обегал все магазины. В конце концов я вынужден был сделать спецзаказ. Я сказал продавцу, что хочу самую большую Энн для вашей внучки. Она прислала мне вот эту".

В другое время я сказала бы: "Папа, она не понимает. Она еще ребенок. Она когда-нибудь подрастет и поймет". Видите, я всегда была чачеку, чтобы извиниться за ее плохие манеры. На этот раз я встала, взяла Сьюзи за руку и сказала: "Извини нас, дедушка".

Я ответила ее в свою очередь, взяла Сьюзи за руку и сказала: "Извини нас, дедушка. Кто-нибудь побеспокоится, чтобы купить подарок, этот подарок должен быть принят с благодарностью".

"Но он принес мне куклу другого размера", - настаивала она.

"Я понимаю, - сказала я, - ты ждала, а не получила друга".

Сьюзи кивнула головой, глаза ее были полны слез.

"В этом случае, - сказала я, - хороший выход - подождать, пока гость не уйдет домой. Тогда ты можешь сказать своим домашним, как ты разочарованна... Ты знаешь, почему?"

"Сьюзи заколебалась. "Ну, чтобы не обидеть человека?"

"Ты выразила это очень ясно", - сказала я. И стала ждать.

"Ты думаешь, я обидела дедушку?" - спросила она.

"А как ты сама думаешь?"

Она пожалала плечами. "Ну, я не подумала, я не хотела".

"Я подумала. Я считаю, нужно сделать так, чтобы дедушка почувствовал себя лучше".

"Ты сделай это".

"Хорошо, - сказала я, - я сделаю. Но ты тоже подумай, ладно?"

Я пошла к отцу, и мы не видели Сьюзи минут пятнадцать. Когда она вошла к нам в комнату, она несла стакан вишневого напитка с кубиками льда. Она протянула его дедушке. Но он тут же вернул его ей обратно. "Нет, дорогая, пей сама", - сказал он. Я не знала, как наекнуть ему. В первый раз в своей жизни моя дочь поступила как человек, как личность, а мой отец снова сделал из нее принцессу.

Нервная, я ждала, что она будет делать дальше. Сперва она растерялась. Затем снова протянула стакан делу. Она сказала: "Нет, дедушка, я сделала это для тебя. Я подумала, что тебе хочется чего-нибудь для бодрости..." Верите ли, я почти разрыдалась где-то внутри себя. Моя первая мысль была: "Она все-таки станет человеком!"

Слушая Ли в этот момент, мы тоже чувствовали, как слезы подкатывают к горлу. Кто-то начал поздравлять ее, но она остановила нас.

"Послушайте, я не хочу себя обманывать. Я знаю, что я только в начале начал. Семь лет ушло у меня на то, чтобы сделать из дочери принцессу, и, может быть, еще семь лет понадобится, чтобы справиться с этим. Но обратного пути для меня нет".

Какое-то отдаленное воспоминание промелькнуло в глазах Ли. "Вы знаете, у меня было когда-то маленькое растение на подоконнике. Я не помнила, почему оно всегда какое-то однобокое, как-то криво растет. В конце концов я догадалась. Одна сторона его почти совсем не получала солнечного света. Тогда я стала поворачивать его, и мало-помалу все растение выровнялось".

И вот так же я стала думать о детях - что они подобны комнатным цветам. И если вы все время поворачиваете их к солнцу то одной стороной, то другой, они тоже будут расти прямо".

У доктора Джинотта были задумчивые и грустные глаза. "А если недостаточно будет поворачивать растение, - сказал он, - мы повернем солнце". |

[/Продолжение. Начало во втором \(11\) номере за 2002 год.](#)

Дорогая Сьюзи.

Мы хорошо слышим и понимаем, как ты расстроена. Но крик - не самый лучший способ заявить свой протест.

Как только ты будешь в состоянии говорить или писать, мама и я будем готовы внимательно выслушать тебя.

Папа.

Я СТЯПАЛА ДЛЯ ЭФИОПСКОГО ПАВИАНА наталья ефремова

"Иногда я впервые узнал, когда задал своему паву учителю вопрос, как это он во всех случаях бывает прав: "Почему это вы все так знаете?" Он ответил, выпрямившись: "Потому, что я обслуживал английского короля". "Короля, - всплеснул я руками, - пана короля, вы обслуживали... английского короля?" И он спокойно кивнул."

Так объяснял младшему официанту секрет своей волшебной проницательности седой метродюль из прекрасной книги чешского писателя Богумила Грабула "Я обслуживал английского короля". И тот прилежно учился и сумел наконец исполнить подальше лежачего верблюда самому эфиопскому императору... Так ведь и я кое-чему научилась, когда приходила в зоопарк, облачалась в передник, чистила гору моркови, яблок и апельсинов и кормила своих расчудных обезьян. Во всяком случае я стала совершенно по-новому смотреть на наше собственное поведение, когда занялась изучением приматов и их этологии - науки об эволюции и приспособительном значении поведения.

Рыжий орангутан вполне дружелюбен. Для приветственного рукопожатия он протгиивает нижнюю губу: она у него вроде пятой конечности. Гамадрил, воплощавший в древних египтян бога Тота, честен и благороден. Если вы вторглись в его владения и тарщите глаза на павианово семейство (что возмутительно), он трижды сделает замечание: вскиннет брови, хлопнет ладонью ("кто в доме хозяин?!") и сделает выпад, что есть даст вам возможность подуматься и убраться. Только после этого он будет вас грызть и бить, причем выберет места, неопасные для жизни. Однажды посетитель нашего зоопарка через забор между стеклами угостил орангутаншу печеньем, смоченным в соке. С тех пор прошло два года. Время от времени она с надеждой подходит туда. Ворушит гвоздики. Не покажется ли приятный кавалер?

Поведение приматов не только интересная наука. Это еще и эффективная психотерапия, обостряющая вкус к жизни. Современные психологи все чаще рекомендуют анималотерапию - общение с животными - как способ избавиться от стресса. Вообще-то мы больше привыкли видеть в обезьянах одно: как паразитично (или отвратительно) они похожи на нас. Эти эмоции привели ко многим субъективным представлениям. Когда-то под давлением негодующей общественности была даже упразднена биологическая группа "приматы", выделенная Карлом Линнеем, и почти сотню лет ученые относили человека к самостоятельному отряду. Ничего удивительного: словом "Primates" в католической церкви в то время назывались высшие чины - архиепископы. Применять его по отношению к раскрепощенным обезьянам было весьма опрометчиво.

Однако эти страсти ушли в прошлое. Изменились и Земля, и люди. Сегодня приматов стараются рассматривать не как наших родичей, а просто как существ с самыми удивительными внешностью и поведением среди всех млекопитающих. Кроме того, это исчезающий мир: большинство приматов находится под угрозой вымирания и нуждается в нашей защите.

Возникла приматология как небольшой раздел... антропологии (хотя логичнее было бы наоборот), чтобы научно доказать родство человека и животных. Одновременно она пыталась выполнить и другую, в чем-то противоположную задачу: нащупать "грань, отделяющую высшее существо от своих предшественников". Эти усилия оказались не слишком успешны: "грань" постоянно размывалась, качественные отличия превращались в количественные. В конце концов оказалось, что громоздить "барьер" между человеком и животными - ненужное и даже вредное для экологического сознания занятие. Человеку полезнее - да и просто интереснее - изучать приматов самих по себе как разнообразных и удивительных существ, изучать их необычайное поведение и социальные отношения.

Социальность? Доказано, что многие высшие животные, а приматы особенно, образуют настоящие социальные группы, связанные сложными и устойчивыми отношениями. И затрачивают на общение друг с другом намного больше время и силы. Для них необходимо постоянно созерцать своих близких, а желателен и тех, кто в соседнем помещении. В неволе без этой возможности у них развивается депрессия.

Моя собственная работа связана с гендерной антропологией - изучением мужского и женского начала, выраженного в социальном (а не репродуктивном) поведении. У человека контраст социальных ролей во многом обусловлен культурой. В некоторых обществах занятия мужчин и женщин различаются резко, в других (к которым относится и урбанизированная Европа) границы гендера стираются, в ходу мода "унисекс". Но какова разница в гендерном поведении человека per se - сама по себе, без наслоения культуры? Оказывается, меньше, чем у большинства приматов.

Мы любим поспорить, кто нужнее - мужчины или женщины, кто является "сильным полом". Но природа этот спор уже решила: для выживания нашего вида роль полов была примерно одинакова. Для сравнения, например, у гнездовых птиц существеннее роль самок, а у морских коньков - самцов.

Впрочем, многие виды обезьян оказываются в этом плане ближе к... морским конькам, ведь у них от заботы самцов-защитников зависит выживание всей группы. Особенно велика роль вожака, чьи ошибки ведут к гибели многих родичей. Ответственность превращает вожака во властное существо. Остальные члены группы подчиняются ему не столько из страха, сколько из восхищения и уважения. Но как же возникают эти отношения?

Табель о РАНГАХ

В обезьяньем обществе каждая особь имеет определенный ранг и одних подчиняет, а другим подчиняется сама. Оказывается, эта иерархия держится усилиями подчиненных, которые словно получают удовольствие от своей подлунности. Что, кстати, имеет немалый биологический смысл, ведь четкая иерархия - залог дисциплины, а следовательно, безопасности. У некоторых видов иерархия жестче - обычно это связано с обитанием на земле, где больше врагов, у других - демократичнее. Человек в этом ряду стоит где-то между павианами и шимпанзе. А как определить, кто доминант, а кто подчиненный, если наблюдать извне за группой обезьянок или играющих мальчишек? Оказывается, не по тому, насколько сильно они колошматят друг друга. Ключевой признак другой, статистический: подчиненный чаще поворачивает к доминанту лицо, то есть действует с постоянной оглядкой на него.

Помимо рангов, существуют и социальные роли: "воспитатели", "тетки", "стражи", "лидеры". Ранг может быть невысок, но роль - почетна. Например, лидером, ведущим группу павианов, обычно становится кто-то из "первых приближенных", а сам вожак идет позади всех, чтобы подгонять отстающих и меньше рисковать своей важной персоной.

Пирамида иерархии - это по сути "виртуальная конструкция", существующая только в головах членов группы. Однако выражают ее вполне "телесные" признаки. Например, чем значительнее ранг, тем выше его обладатель должен взгромоздить свое мускулистое тело. Обычно вожак устраивается на пригорке, откуда и следит за порядком. Но даже если играющий детеныш обезьяны всего лишь вспрыгивает на камень - товарищи уважительно отступают в сторону. Наши дети (особенно те, что с характером) тоже любят залезть повыше и поспать оттуда до тех пор, пока кто-нибудь взрослый не соизволил повернуть голову и посмотреть на это достижение. Или старается хотя бы дотронуться до чего-нибудь высокого. Например, до шеста, елки, шведской стенки или... любимого воспитателя, когда я работала в младшей школе, лидирующие ученики всегда подбирались ко мне, тербелили за рукава, лизали в ухо, тянули пуговицы, словно стараясь откусить себе хотя бы частичку моего "высокого ранга".

На периферии группы располагаются стражи. Обычно это старые холостяки. Человеку наблюдать за ними легче всего: в неписанные обязанности стражей входит рисковать, первыми встретиться с хищником, поэтому они никогда не прячутся. В неволе работа стражей становится ненужной - ведь внешней опасности нет, но они все равно добросовестно обходят периметр вольера и следят за тем, что происходит за сеткой. Если у соседей какой-нибудь скандал, страж потякивает, призывая остальных посмотреть "сериал"...

Кстати, за нами обезьяны тоже наблюдают. Вначале, естественно, подходит страж. Если он решит, что эта огромная макака в красном купальнике не опасна и даже чем-то симпатична, павиан отходит в сторону и дает сигнал. Тут уж сбегаются любопытные детки, чтобы гроздыми повиснуть на решетке. С ними подбираются "ябеды" - молодые самки с "противным" характером, которые обычно провоцируют конфликты. Их голос и выражение морды удивительно напоминают ужимки и писк наших девчонок-ябед.

Обезьянки с таким статусом любят с пронзительным криком бросаться к старшему самцу, не забывая при этом показывать на обидчика. Им же самим обычно и достается. Впрочем, на воле ябеды нужны: они оповещают об опасности, о назревающих конфликтах в группе, являясь по сути "младшими стражами". Осмелев, мохнатые наблюдатели пытаются вступить с вами в контакт. Подразнить. Потрогать шкурки. Отскочить, поймав взгляд. ...Не одни мы изучаем этологию - зверей она тоже интересует.

Осторожно, СОБАКОГОЛОВЫЕ!

Вопреки кажущейся свирепости обезьяны в естественных условиях избегают драк. Их поведение напоминает пикник большого семейства, где временами ворчат и отщипывают подзатыльники, но все друг друга любят. Пока молодежь прыгает и скачет, взрослые предпочитают отдохнуть в удобной позе. Самые главные павианы лежат на спине, здрав ноги и обхватив пятки. Вероятно, такова обезьянья йога. И она, похоже, дает свои результаты: если молодые напоминают неуклюжих собачек, то у зрелых появляется необыкновенная грация. Наиболее царственная походка у вожака: детеропливая и мощная. Павианы много спят и занимаются любовью. Пятнадцать садовок в неволе, делают, что хотят.

Ключи у некоторых приматов крупнее, чем у леопарда. Однако они вовсе не задаются целью калечить своих ближних. Напротив, можно сказать, что хорошо воспитанные обезьяны понимают друг друга "с полуслова" и избегают телесных наказаний. Часто достаточно одного взгляда. Здесь сформулировал главный закон агрессии, угрозой основатель этологии Кнрад Лоренц сформулировал так: "Лучше демонстрация угрозы, чем прямое нападение". Без соблюдения этого закона вид обречен на самоистребление.

Для того чтобы погасить агрессию, приматы используют "буферы" - дружественные действия. Жертва нападения может "попросить извинения", если потупит взор, протянет ладони и захнычет. Может схватить и прижать к себе детеныша. Эти сигналы обезоруживают агрессора. Еще один хороший способ охладить его пыл - помчаться с жалобным ревом к старшему. Однако подобные стычки случаются нечасто. Обычно агрессия гасится еще в зародыше посредством груминга - взаимного обмыкания. Этому процессу приматологи уделяют странно много внимания. Подумаешь, обезьяны выскивают друг у друга блох! На самом же деле они копошатся в шерсти не столько из гигиенических соображений, сколько из потребности в общении. Груминг - это словно нитеропливая беседа, выражение симпатии, способ приветствия. Элементы груминга сохранились и у нас - как ритуалы перебирания волос, принятые у многих племен при встрече, а также манера поправлять воротник или свить соринку с плеча дорогого человека. Ученые полагают, что груминг ведет свое происхождение от сосательных движений детеныша при контакте с матерью, а затем видоизменяется в поцелуй или становится опосредованным - через кисть. Самые желанные объекты груминга - малыши и вожаки. Обычно окружив вожака теснятся сразу несколько приближенных дам, и он будто нежится в массажном салоне.

Однажды я наблюдала случай, иллюстрирующий значение груминга. Супруга винутной павиана "по фамилии" Обрубок (у него не было половины хвоста) поддалась минутной страсти и уединилась с молодым красавцем. Муж настиг неверную и подверг ее примерному наказанию: схватил за загривок, прижал к земле, укусил за лопатку, в то время как та "умоляюще" верещала. Еще два часа самка скулила и преследовала Обрубка, пытаясь получить порцию груминга в знак прощения. Куда там! Супруг демонстративно отворачивался и уходил.

Почему же самка не могла успокоиться? За этой драмой кроются определенные поведенческие механизмы. Если партнера внезапно теряет поддержку самца, ее статус, прежде очень высокий, колеблется. В случае "развода" ранг может резко упасть - ей придется самой пробивать себе место в иерархии животных. В нашем случае Обрубок поостыл и простил супругу следующим действием: небрежно щипнул ее и сам подставил бок. И та с довольным урчанием принялась за груминг: прощена!

Присвоение НИЧЕЙНОГО

Чем выше ранг, тем больше в поведении территориальной активности. Свой участок нужно патрулировать, метить и отстаивать в боях - тогда ты получишь право получать его "блага". Обычно доминант крупнее и подвижнее подчиненных - он постоянно способен доказать, что его "много". Внешность должна быть "с иголочки", ведь это способ оптической маркировки. Поэтому доминант регулярно ухаживает за своей шерстью и посещает "салон красоты". У общественных животных каждый член группы обычно находится на подиуме, ест и жюри. Стоит допустить небрежность в уходе (особенно это случается с большими, уставшими или старыми особями) - и зоркие хищники изберут тебя в качестве легкой добычи, а собратья "понизят" в иерархии. Так что "по одежке предпочитают" не только у нас.

Кстати, человеческую одежду обезьяны очень уважают. Прекрасный подарок для них - шляпа или старый жилет. Поцеголять денек-другой и постепенно обнову съест... Особенно их удивляет наша способность менять гардероб. Чтобы сделать новую одежду на старом друге более знакомой, обезьяны стараются пометить ее мочой. Помеченный своим запахом объект, будь то территория, детеныш или гнездо, переходит в "собственность". Когда я по утрам мыла клетки в зоопарке, обезьяны приходили в зарешеченное пространство под потолком служебного коридора. Ради этой минуты они терпели всю ночь, чтобы в "зале ожидания" можно было весьма метко приветствовать струями проходящих по коридору электриков и сантехников: весь человек пошел...

Завянуть о себе можно звуком, размахистскими движениями, хлопками по спине... Все эти приемы широко использует человек - уж он-то непревзойденный мастер "пометить территорию". Неосознанная территориальная агрессия заключена в нашест стремлении наводнить помещение своим запахом, раскидать вещи, расставить повсюду "мецанские штучки", пометить на стенах "здесь был я"... У птиц такую роль выполняет хорошо заметный помест. Внесите ручного сокола в помещение - он сразу делает белую кляксу: "Мое место". Точно так же поступает и ощущающий себя лидером "павиан" из ваших собственных знакомых. Войдя в помещение, он непременно дотронется до многих вещей, башмаки оставит на проходе, раскидает перчатки, начнет шуметь и ощутимо помчаться. А что может быть интереснее для мальчишек, чем залезть в какое-нибудь заброшенное помещение - и оставить там свои метки в виде надписей, потеков мочи и облачков табачного дыма!

Как вы узнаете, что в лесу много птиц? По их громкому щебету. А то, что в соседней комнате много детей? Да по точно такому же щебету! Люди только притворяются, что посредством речи передают глубокомысленную информацию. На самом деле большинство фраз обиденного диалога переводится как "я!". А теперь еще один вопрос...

По каким признакам вы сразу узнаете, что в лесу были люди? Для яраго, отвечать нет необходимости. Привычка нашего соотечественника оставлять горы яркого мусора на природе является в своем роде реакцией "присвоения ничейного".

Друзья и ЛЮБОВНИКИ

Сексуальная активность, скажем, у кротов используется исключительно для продолжения рода. У приматов же секс - это способ коммуникации, своеобразный язык. Если обезьяна, питающая к вам глубокое уважение, ненадолго вас чем-то возмутила, она немедленно подставит свой... зад. В этой ситуации доминант должен повести себя как настоящий покровитель (в буквальном значении этого слова): взгромоздиться сверху и сделать несколько толчков или хотя бы в уменьшенном варианте - почесать, хлопнуть ладонью. Это равноценно ритуалу наказания, без которого нереализованная агрессия сохраняет напряженность у обеих участников конфликта. Подобное подставление и имитация садки уже не имеет сексуальной функции - только коммуникативную. Помню, когда я приходила кормить обезьян, молодая самочка мандрилла приветствовала меня энергичным подставлением. И только из-за большой любви она смирилась с моим чудачеством, позволяя почесывать ей не зад, а морду... Кстати, спустя год после расставания она все еще узнавала мое лицо через стекло - и это в каждодневной толпе посетителей!

У павианов семья - гарем из нескольких самок. Обычно они относятся друг к другу дружелюбно, вместе нячат детей. Самки часто выпрашивают у партнеров подкормки, подражая детенышам. Бывает, что в качестве компенсации предлагают... свое тело - факт, о котором неоднократно сообщали японские приматологи. Кстати, сильный самец поступает по-иному - если заметит, что кто-то схватил вкусное, - догоняет и отбирает. Может даже выковырять кусок из защечного мешка, прижимая другой лапой "за шкуру" к земле.

Дружеские отношения связывают не только брачных партнеров, но и подrostков, изгнанных из семьи на периферию группы. Когда они вырастают, становятся грозной силой. Поддержка "друзей" помогает их лидеру захватить власть в группе.

У некоторых видов доминируют самки. Например, у карликовых шимпанзе - бонобо. Эти обезьяны, видимо, ближе к человеку, чем все прочие приматы. Они свободно ходят на двух ногах, а развитый мозг позволяет им научиться свободно понимать устную речь и общаться языком жестов. Об этом свидетельствуют результаты экспериментов американских приматологов Дьюэйна и Сьюзен Румбо. Бонобо невероятно сексуальны. Вместо груминга "в знак дружбы" они предпочитают тереться своими крупными, ярко окрашенными гениталиями, да в таких хитрых позах, каких не сыскать в "Кама-Сутра".

Если в группе отсутствуют самцы, часть самок начинает выполнять их роль, превращаясь в "амазонок". Бывает и обратная ситуация. Вероятно, для нормального существования группе необходим некий баланс полов, при нарушении которого автоматически срабатывают механизмы регуляции. То же и у взрослых людей, и у детей при раздельном обучении и проживании. На эту тему было много споров: обучать мальчиков и девочек раздельно или вместе - и я могу поддержать обе позиции. Как родители и приматолог, я предпочитаю совместное обучение, во время которого закладываются нормальные механизмы репродуктивного и социального поведения. Но как преподавателю мне гораздо удобнее работать с однополыми группами. Меньше хихикают.

ДОЧКИ-МАТЕРИ

У беременных и кормящих самок ранг становится выше. Во время родов маленьких помощников оказывают "тетки" - взрослые самки, не имеющие в данный момент маленьких детей. Никого не пугают. Массируют. Извлекают детеныша, если роды трудные.

Детеныши павиан - чудесные существа. К всеобщему изумлению, вдруг оказывается, что на брюхе всем знакомой "девицы" висит несоблюдительный с большой головой, чем-то напоминающий Альфа - героя детских комиксов и сериалов. Он становится всеобщим любимцем. Самочки хотят его поддержать, дети - подержать за хвост. Мамашки низкого ранга свое чело берегут и усиленно опекают, а "генеральши" гораздо спокойнее - позволяют и другим его потискать. В конце концов детеныша у матери "похищает" молодежь. С ним играют как с живой куклой. Возят на спине. Маленьких самочек часто утаскивают и нежно опекают подростки-самцы. Когда они вырастают становятся брачными партнерами.

Обезьяны детки постоянно играют в подвижные игры - догонялки, чехарду, боксируют, обожая отбирать друг у друга предметы и вертеть ими. Лучшая забава - грохотать. Спускаться по лестнице и брэнчать железкой. Желательно перед зрителями. По сути это расширение естественных возможностей издавать звуки. Малыши катаются на качелях - чужих хвостах. Если "в понимании" детей хвост - игрушка, то у взрослых - визитная карточка: чем выше он поднят, тем выше ранг.

В обезьяньих играх предметные игры. Зоопарки даже покупают для обезьян простые безопасные игрушки. Однако век игрушки недолог - когда наиграются обезьянками, норовят получить подарок съесть. Интересная книга, мелки для рисования, кукла - все будет испробовано на зуб. Нас это огорчает (а особенно велики разочарования, если обезьянку заводят дома), но в природе это вполне оправданное действие: поиграть и съесть.

В первый год жизни при личной опасности маленький павиан ищет защиты у матери. А когда подрастает, его внешность и поведение вдруг начинают раздражать взрослых. Подростки изгоняются на периферию группы, попадая в своеобразный "лагерь", начинают меньше спать и бродяжничают. Становятся "младшими стражами". Уходят из стада. Чаще других гибнут.

Назад, К ЛЮДЯМ

Мои наблюдения в приматологическом центре, что неподалеку от Адлера, завершаются к середине лета. Автобус везет меня через все Черноморское побережье Кавказа, и я оказываюсь в прекрасном лагере, где должна была преподавать детям курс поведения животных (бывает среди детских летних занятий и такое).

Первое время глаз, наметанный на составлении этологических матриц, улавливал мельчайшие жесты, различающие окружающих. Как, оказывается, много информации передается неосознанные реакции: ужимки, движения глаз, позы! Особенно у детей, которые не стараются контролировать свои реакции. Первое время окружающие жаловались, что только и слышат от меня: подтягивать плечи - знак фрустрации, руки скрестили - что-то утаивает, за ухо себя потрогал - значит интересуется вон той девчонкой...

Маленькие дети (да еще и предоставленные сами себе) отличаются поведением от других приматов незначительно - всего лишь как близкие виды, а не как земля и небо. Но чем старше, тем меньше природного и больше культурного. Легче ощущать себя педагогом, если осознаешь, что дети - живые существа, да еще и представители отряда приматов! Также мезят территорию - плевыми, кулаками и криком. В процессе общения обмениваются прикосновениями и предметами (а точнее - сокровищами). Проходят четыре стадии эволюции, когда познают окружающий мир: младшие - зятом, средние - пальцами, если постарше - глазами, а первый отряд - ушами. Во время занятия командир не может усидеть на месте - сажает его, а он вскакивает, сам того не замечая, ведь лидер должен быть наверху. Демонстрирую, как гамадрил делает выпад лапой, маленькие слушатели отбываются. А затем смущенно хмыкают. Показываю похлопывание по плечу - довольно улыбаются. Часто недоверчиво или удивленно спрашивают: "Откуда вы все так знаете?" Это я-то? Цельный год стряпала эфиопскому павиану! |

...Возьмите 5 кг творога, смешайте с 20 яйцами в тазу, добавьте пачку Бэбишопы, полбанки Изюм-Няма, много отрубей, 5 ложек меда, изюм, курагу, финики, манку по вкусу. Размешайте и выпекайте в духовом шкафу. Запекалку охладите и намажьте жидким витамином с апельсиновым вкусом. Зеленый пучок. Сбоку положить курцуху или кальмаров, ять мадагаскарских тараканов или сверчков. Подавать два раза в неделю всем обезьянам!

Хорни Карен

Самоанализ

СПб: Питер, 2002

Хорни Карен

Невротическая личность нашего времени

СПб: Питер, 2002

ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД КАРЕН ХОРНИ

Это не рецензия - нельзя написать на двух страничках рецензию на вновь изданные поэзию Анны Ахматовой и роман Льва Толстого, а Карен Хорни занимает в психологии личности XX века место, вес которого примерно такой, как у Ахматовой и Толстого в литературе. Важно заметить новое издание.

Каких великих психологов-женщин мы знаем? Имен удручающе немного, похоже, понимание и изучение человеческой души все-таки мужской бизнес. Конечно, это Анна Фрейд и Мелани Кляйн, Вирджиния Сатир и Натали Роджерс. Однако в истории психологии личности XX века имя только одной женщины заслуживает отдельной главы в любом учебнике по персонологии. Замечательный терапевт Карен Хорни разработала теорию базальной тревоги, на которой по-прежнему работают психотерапевты всего мира, имеющие дело с невротической личностью.

Конечно, автор теории невроза - Зигмунд Фрейд. Однако классический психоанализ с его специфическими метафорами вроде эдипова комплекса и смелыми заявлениями об универсальности открытых законов, с его чисто мужской пансексуальностью недолго бы прожил, если бы мудрая женщина Карен Хорни не подкорректировала некоторые положения Фрейда. Так, комплексы Эдипа и Электры превратились всего лишь в ревность маленького ребенка, которому не хватает истинной любви и внимания своих родителей. А поскольку такая ситуация в детстве, к счастью, бывает далеко не у каждого ребенка, то и ревность эта случается не с каждым, просто на прием к психотерапевту приходит особая категория людей - невротики. Вот у них, говорит Хорни, действительно были проблемы в детстве. Но не хватало им не столько возможности открыто выразить сексуальные стремления, сколько простого тепла и любви. Универсальная потребность в любви и названа Хорни самой глубокой, базовой потребностью человека.

"Любовь, что движет Солнце и светила..." Хорни ближе к Шекспиру, чем к Фрейду. Но любовь не может быть предметом науки, во всяком случае в той позитивистской парадигме науки, которую исповедовал Фрейд, просто не было методов ее исследования. В самом деле, как измерить любовь объективно? Значит, нужно менять и научную парадигму в психологии личности, что и было сделано через двадцать лет после первого выхода ее книг, а Хорни сегодня называют "бабушкой" гуманистической психологии. Машштаб ее критики сегодня по сравнению с толстовским по темперанту, многогранности и убедительности. Вместе с тем ее анализ человеческих проблем тонок и, как лучшие образцы поэзии, содержит мудрый взгляд женщины.

Если вы хотите побольше узнать о причинах своей тревоги, о том, почему так трудно насытить потребность в любви, о специфической психологии женщины, наконец, обратитесь к новым изданиям издательства "Питер". В монографии "Невротическая личность нашего времени", впервые увидевшей свет в 1937 году, описана теория неврозов. Это скучное словосочетание не подходит для легкого и блестящего стиля Хорни. Портреты здоровых людей, которые просто не могут найти покоя и счастья, то есть нас с вами, взораживают точною характеристик и глубиной анализа. В сборнике "Самоанализ" собраны работы "Психология женщины" (впервые она вышла в 1967 году, уже после смерти автора), "Новые пути в психоанализе" (1939), "Самоанализ" (1942). За краткостью места дам лишь краткий анонс. Вот некоторые названия статей в "Психологии женщины": "Проблемы брака", "Страх перед женщиной", "Материнские конфликты", "Переоценка любви. Исследование распространенного в наши дни типа женщин", "Изменения личности девочек-подростков", "Невротическая потребность в любви". Это неординарная и очень глубокая литература. И хотя издания выходят в русском переводе не впервые (странно, что в издании "Невротической личности" не указан автор перевода), они наверняка будут раскуплены и оценены. Женский взгляд дорогого стоит. |

/ Светлана Кривцова, кандидат психологических наук

Упражнения с Монтессори-материалом.

Под редакцией Е. Хилтунен.

Рига - М.: Педагогический центр "Эксперимент", 2001

МАЛЕНЬКИЙ ХОЗЯИН СОБСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Учить детей трудно. И это не зависит от возраста ученика - у каждого возраста свои особенности, у каждого учителя свои проблемы. Но проблем хватает у всех.

Те, кто учит младшей, обычно жалуются на их нежелание включаться в процесс обучения. Но с маленькими легко играть, и психологи с педагогами давным-давно придумали игровые методики. Но те, кому уже удалось втянуть детей в игру-обучение, жалуются на малый репертуар игр и недостаток идей. Главным образом, от этого страдают родители, которые отказались от сомнительных преимуществ коллективного воспитания, пренебрегли детским садом и наслаждаются общением с собственными детьми.

Хочется обратить их внимание на книгу "Упражнения с Монтессори-материалом". Итальянский психолог и педагог Мария Монтессори еще в начале XX века предложила методику обучения, построенную на идее детского впитывающего сознания: с первого дня появления на свет ребенок, как губка, впитывает все, что его окружает. На основе этой концепции она создала дидактические материалы для малышей, а ее последователи продолжили работу учителя и "развили тему", чтобы применять методику Монтессори и с теми, кто постарше.

В форме увлекательных игровых занятий книга открывает путь к самым настоящим учебным предметам: письму, счету, чтению и "космическому воспитанию", цель которого - "сделать так, чтобы размышления о мире и жизни стали ежедневной привычкой". Этот предмет включает в себя самые разные упражнения, связанные с биологией и историей, астрономией и информатикой. Здесь одинаково важны наблюдения ребенка за движением Солнца и поведением кошки.

Последователи Монтессори отказались от стандартной модели, когда старший рассказывает, а младший слушает. Педагоги, работающие по этой методике, вообще мало говорят, больше полагаясь на невербальное общение. Ребенок как бы сам задает уровень сложности и программу занятий, он не подчиняется инструкциям старшего, а вместе с ним сочиняет, рисует, играет. Ему предоставляется возможность свободно развиваться. Практически все предметы он видит как "самостоятельную деятельность человека", при этом, изучая, например, математику, он моделирует геометрические тела, осваивает основы логики, узнает, что такое проекция.

Малыш обводит пальцами буквы, вырезанные из шершавой бумаги, - так он развивает тактильное чувство и при этом учится узнавать буквы. Потом он воспроизводит движение, которое совершал, обводя буквы, на подносе с манкой - учится писать, хотя сам об этом пока и не догадывается. Он моделирует пространственные фигуры, используя палочки и пластилин - развивает пространственное воображение.

Рассказывать об упражнениях, придуманных Монтессори и ее последователями, можно бесконечно. Но лучше завести книгу "Упражнения с Монтессори-материалом". Она освобождает тех, кто учит маленьких детей, - прежде всего их родителей - от необходимости изобретать велосипед. Тому, кто пользуется этой книгой, уже не надо сушить мозги, придумывая все новые занятия для своего малыша.

На мой взгляд, важно еще и то, что книга не обещает конкретных результатов. Авторы помнят, что "объекты" занятий - маленькие дети, у которых скачки в развитии видны ежедневно. Но иногда рост ребенка переходит в латентную стадию, и тогда плоды труда педагога видны далеко не сразу.

Главная ценность упражнений Монтессори в том, что они помогают воспитателю заложить базу, создать трамплин, а куда ребенок с этого трамплина прыгнет, сказать невозможно: это зависит от генетических возможностей и от влияния окружающей среды. Эта книга проникнута важной мыслью, которая вроде бы очевидна, но нередко забывается: любой ребенок, даже совсем малыш, обладает индивидуальностью, которая требует бережного отношения. |

/ Наталья Хмелик

Бьюдженталь Джеймс

Искусство психотерапевта.

СПб: "Питер", 2002

ПОМОГАЮЩАЯ ПРОФЕССИЯ

ереживания человека, а не его поведение - суть интереса и искусства Джеймса Бьюдженталь, экзистенциально-гуманистического подхода, как определяет метод этого американского психотерапевта научный редактор издания Сергей Братченко. Согласие и понимание, артистичность психотерапевта, сопротивление клиента, жизнеизменяющая психотерапия - вот далеко не полный перечень важных и интересных тем для специалистов всех "помогающих профессий", как заявлено в аннотации книги.

Джеймс Бьюдженталь использует слово "воодушевленность", чтобы подчеркнуть динамику субъективного мира человека: быть человеком для него - значит быть видящим, а не тем, кого видят; быть делающим, действующим лицом, а не зучкой. Нравственная позиция автора книги заявлена через уважение выбора клиента, его уникальности: "Мы должны видеть перспективу и сохранять смирение перед конечной автономией клиента", - пишет Бьюдженталь, а в психотерапии главное не вклад психотерапевта, а право и ответственность клиента.

До сих пор не потеряла своей актуальности история о том, как Джеймс Бьюдженталь начинал своей профессиональный путь: использование жестов нивелировало испытуемых, разнообразие человеческих реакций сводилось к упрощенной схеме. "Это был очень тяжелый урок, который нужно выучить всем, кто старается быть объективным: редуцирование есть разрушение", - пишет он в своей книге.

Несмотря на появлению в названии книги "искусство", стиль ее разделов - это добротный учебник по повышению квалификации практикующего специалиста. В издании удачно сопряжены философия метода, феноменологическое описание случаев, разобраны применяемые методы психотерапии, в "Приложении" даны упражнения к каждой главе, схемы наблюдений и ... ответы для практических упражнений.

Жизненность и воодушевленность немислимы без чувства юмора, растворенного в тексте, каждая глава завершается небольшим эссе под общим названием "Путешествие психотерапевта", в котором можно найти и притчи, и истории из практики автора, и многое другое, что можно назвать искусством психотерапии.

Книга красиво издана. Её приятно держать в руках, листать, переходить от рубрики к рубрике. Этому способствуют шрифты, выделение разделов, рисунки и схемы. Приятно держать в руках хорошо поутанный материал. Тщательность перевода, неоднократные подстрочные смысловые уточнения переводчика вселяют уверенность, что читатель преодолеет языковые и культурные различия. |

/ Софья Луцковская, кандидат психологических наук

Арсеньев Анатолий

Философские основания понимания личности.

М.: "Академия", 2001

ТАК НАЧИНАЕТСЯ ЧЕЛОВЕК

Новая книга философа Анатолия Сергеевича Арсеньева - новая во всех отношениях: в понимании автором философии, ее роли и значения в современном мире, в понимании современного глобального кризиса и фазы антропогенеза, на которой находится человечество, в понимании личности и ее этического сознания, в простоте и доступности изложения, не требующего от читателя специальной философской подготовки.

Впрочем, по порядку. Для Арсеньева философия - размышление каждого человека о своем положении и назначении в Мире - является профессиональной областью знания лишь в силу исторически возникшего отчуждения человека от Мира и своей собственной сущности. Человек как разумное существо начинается с рефлексии осознания себя как "Я" и мира как "Ты". Возможность философии возникает, когда непосредственность отношений "Я" и "Ты" опосредуется рациональным мышлением и предстает как отношение "Человек-Мир". В этом опосредованном и возмозжном отчуждения, если это отношение теряет связь со своим первообразом - отношением "Я - Ты".

Отчуждение приводит к глобальному кризису, включающему все кризисы нашего времени начиная от экологического и кончая так называемой "дегуманизацией". Этот кризис А.Арсеньев считает разложением фазы антропогенеза. Возникновение христианства - указание на начало этого разложения и предупреждение человечеству. В христианстве возникает представление о личности как бесконечной ценности, человеке как парадоксальному бесконечно-конечному существу. Только личность способна противостоять кризису и перейти в новую послекризисную фазу антропогенеза.

Эта парадоксальность "пропитывает" всего человека и, в частности, выражается в расщеплении его этического сознания на бесконечную сторону, называемую автором собственно нравственностью, и конечную, представленную в различных системах и формах морали.

Современную науку Анатолий Арсеньев рассматривает не как знание о Мире он таковом, но лишь как знание о вещах и вещных отношениях. Научное мировоззрение он видит искажающим представление о мире как бесконечном органическом целом. Современного человека, по мнению автора, "съедает технологическое отношение к Миру", включая собственные философские присущие способности...

Автор не предлагает новой философской системы, а вводит читателя в область философского размышления как такового, находя, например, в поэзии и литературе гораздо больше глубоких философских идей, чем в профессиональной философии.

Язык книги прост и легокий, не обучающий. А.Арсеньев вообще считает, что философии научить нельзя, можно только пробудить заложенное в каждом из нас ощущение бесконечности Мира и самого себя. Он предлагает побеседовать в предположительном тоне. И оставляет читателю свободу собственным размышлениям. Этому способствует и обращение к читателю во втором лице. Особый интерес для педагога и психолога-практика представляет глава "Подросток глазами философа".

Книга может быть рекомендована каждому, у кого есть потребность самоопределения в Мире. Ее можно просто назвать настольной книгой для неспешного чтения и размышлений. |

/ Татьяна Бабушкина, Ростов-на-Дону

Ялом Ирвин

Теория и практика групповой психотерапии.

СПб: Питер, 2000.

МОДЕЛЬ ТЕРАПИИ

Эта книга - одна из немногих, действительно помогающих сориентироваться в различных сторонах группового процесса; в возможных переживаниях и действиях терапевта и участника группы; в том, с какими реальными потребностями приходят люди и как они обычно мешают себе справиться со своими проблемами. Книга о том, как построить работу в группе, чтобы реально помочь участникам выйти из этого замкнутого круга, и, наконец, она о роли терапевта, объеме необходимых ему теоретической, практической и личностной подготовки.

В 2002 году Ирвин Ялом - классик экзистенциально-гуманистического направления, выдвинут на получение премии Зигмунда Фрейда вместе со швейцарским исследователем, автором работ по "Аутоффеющихся логике" Луком Чомпи. Этот факт и предмет ожесточенных дискуссий. Сторонники работы Лука Чомпи считают Ялома предателем в психотерапии, а не серьезным исследователем, чей научный и развивающий вклад в психотерапию можно было бы признать выдающимся. Книга Ирвина Ялома "Теория и практика групповой психотерапии", переведенная в России, является опровержением эту точку зрения оппонентов. По свидетельству профессиональных американских и европейских изданий, это самое лучшее, всеохватывающее руководство в области теории и практики групповой психотерапии. В сравнении с этой книгой другие учебники и пособия по групповой психотерапии - литература информационно-справочного характера.

Работая с базовой моделью групповой психотерапии, прототипом всех форм групповой работы, Ирвин Ялом исследует самые важные для практики вопросы: как происходит изменение в групповой терапии? Какие факторы являются терапевтическими и самое главное - почему? В результате этого обширного исследования с применением факторного анализа он выделяет несколько терапевтических факторов (в порядке уменьшения значимости): межличностное научение, катарсис, групповая сплоченность, самопонимание, экзистенциальные факторы, универсальность переживаний, надежда, альтруизм, реконструкция семьи...

Его стило мышления, изложения присуща простота и высокая научная дисциплина, отсутствием которой так страдают психотерапевты: отдельный выделенный в исследовании терапевтический фактор он наполняет конкретным психологическим содержанием, интегрирует эмпирически выделенные факторы с наблюдаемыми феноменами и уже существующими концепциями. По фрагментам он создает целостную концепцию изменения в группе. Так, например, он поступает во второй главе "Межличностное научение" с феноменом пресловутого корректирующего Францем Александером опыта. Его механизм был описан американским психотерапевтом Францем Александером в качестве ведущего в индивидуальном психоаналитическом лечении. Ирвин Ялом выделяет его и в групповом процессе. Он описывает разные категории феноменов интенсивного эмоционального опыта в группе, связывая корректирующий опыт с выполнением терапевтом его основной задачи, с фокусировкой группы на переживании "здесь и теперь" (об эмоциональном потоке "здесь и теперь" разговор в шестой главе), с познавательным компонентом, предоставляющим когнитивную опору переживанию... В итоге читатель получает отчетливое представление о том, чем интенсивное эмоциональное переживание само по себе отличается от корректирующего, то есть переживания, вызывающего терапевтические изменения; об условиях трансформации одного в другое, а заодно мы познакомимся с большей частью мощной сети категорий, понятий и процессов, которыми Ирвин Ялом оперирует в своей книге. И в таком духе выдержана вся книга!

Знания о работе группы, основанные на собственном опыте и результатах своих исследований, Ирвин Ялом излагает ясно и очень интересно. Он приводит сценки и исследования, сделанные магистрыми коллегами: Э.Берно, Ш.Ференци, К.Роджерсом, А. Маслоу, Р.Мэйем, опубликованные в специализированных журналах и поэтому мало известные в России. Общий объем цитируемой литературы - 873 наименования, к достоинствам текста относится также сквозная нумерация цитируемой литературы.

На все вопросы, которые задает себе автор в этой работе, он отвечает глубоко и насколько это возможно на настоящий момент исчерпывающе. Это книга, внимательное прочтение которой, заменяет чтение многих. |

/ Альбина Локтионова, психотерапевт

